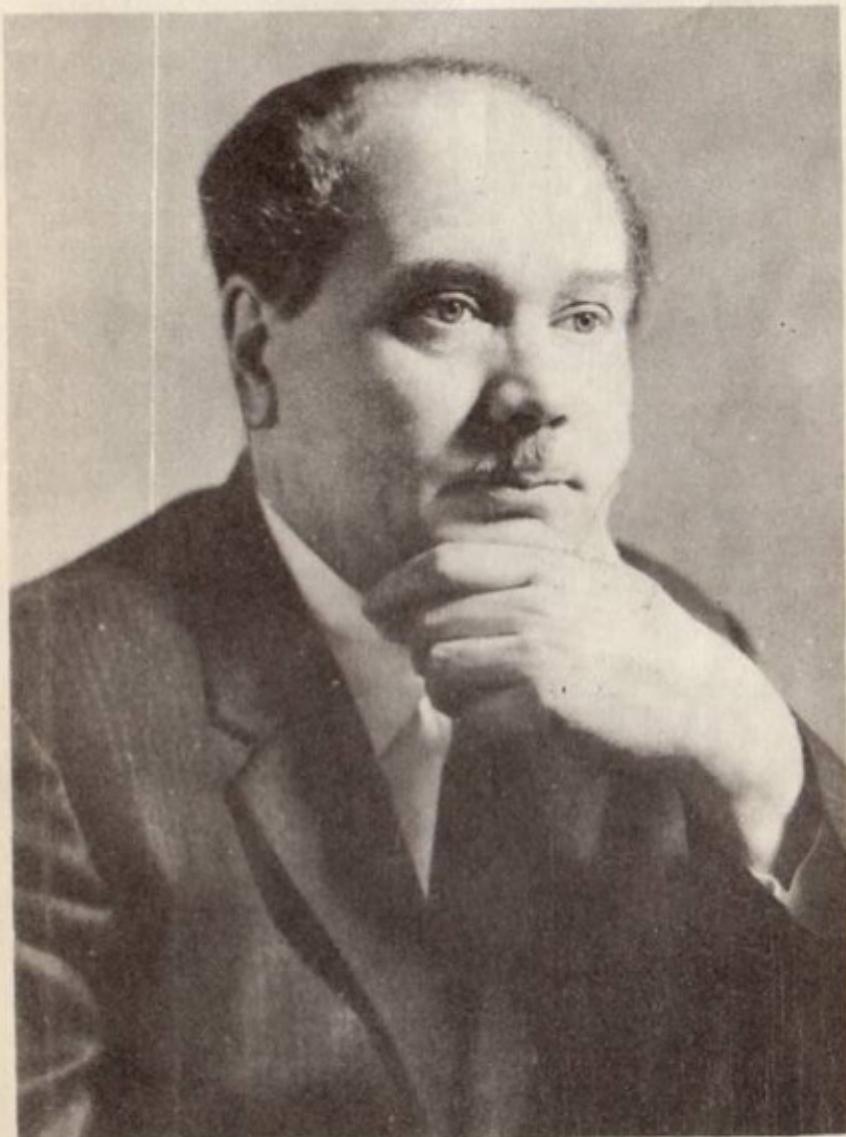

ЧПК КДА
99Н

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

времени река

•
ЛИРИКА
ДНЕВНИКИ

Кемеровское книжное издательство
1991

Ш6(2=Р)6

ББК 84Р7
Н39

447058

БИБЛИОТЕКА
Кемеровского
госуниверситета

Небогатов М. А.

Н39 Времени река: Лирика. Дневники.— Кемеровское
ки. изд-во, 1991.—104 с., ил.

ISBN 5—7550—0278—9

Михаил Александрович Небогатов (1921—1990) — известный кузбасский поэт, бывший фронтовик. Эта книга, подготовленная при участии вдовы поэта М. И. Небогатовой,— дань его памяти. В ней использованы наряду со стихами разных лет записи из дневников М. А. Небогатова.

4702010202

Н Без объявл.

М 145(03)—91

ISBN 5—7550—0278—9

ББК 84Р

© М. А. Небогатов, 1991
© А. С. Ротовский, 1991, оформл.

О СЕБЕ

Родился я 5 октября 1921 года в Гурьевске Кемеровской области. Отец мой, Александр Алексеевич, был бухгалтером-счетоводом на металлургическом заводе. О нем помню только, что это был очень высокий и очень плечистый человек с добрыми глазами. Умер он, как говорят, в одиночестве, поехав зимой в лес за дровами. Это случилось, когда мне не было и пяти лет.

Большая тяжесть свалилась на плечи моей матери Клавдии Степановны. Кроме меня, самого меньшего, при ней было еще двое несовершеннолетних ребятишек, и прокормить, одеть нас домохозяйке-матери было нелегко. Нужда была настолько безысходной, что я иногда неделями не ходил в школу: не было обуви.

Житейские невзгоды скрашивались дружбой в семье, добротой и лаской матери. Малограммальная женщина, она между тем обладала незаурядным умом, хорошо чувствовала живое поэтическое слово, знала напевы много стихов (особенно Некрасова и Кольцова). Ее речь была насыщена пословицами и поговорками, и некоторые соседки даже побаивались ее острого языка. Думаю, что любовь к литературе и в частности к поэзии была привита мне именно ею, моей матерью.

Писать стихи я начал в детстве. Первое мое «произведение» родилось так: прочитал я стихотворение Некрасова «Орина, мать солдатская» и переложил его на свой лад, своими словами. Исковеркал Некрасова, конечно, беззубым, но неудачным свой опыт не признал, очень гордился им в душе. Любовь к поэзии долгое время уживалась у меня с влечением к рисованию. Копии с различных картинок я делал довольно успешно: на школьных выставках они занимали не последнее место.

В 1937 году семья переехала в Кемерово. Вскоре я вынужден был оставить учение и начать самостоятельный трудовой путь в инвентаризационном бюро, техником-инвентаризатором. Мой старший брат и сестра к этому времени обзавелись семьями, и кормильцем матери стал ее меньший сын.

В апреле 1941 года меня призвали в армию, а в июне вспых-

нула Великая Отечественная война. Вначале я был рядовым красноармейцем, потом — весной 1943 г. — попал на трехмесячные курсы в военное училище, откуда вышел в звании младшего лейтенанта. Участвовал в боях в Смоленской и Ворошиловградской областях. Осенью этого же, 1943 года, был демобилизован по ранению и вернулся в Кемерово.

За время службы в армии я написал меньше десятка стихотворений. Говоря откровенно, завидую тем поэтам, которые даже в боевой обстановке, в самых не подходящих для творчества условиях, продолжали творить. И на фронте, и в первое время по возвращении домой я совсем не помышлял о том, что когда-нибудь литература станет моей профессией, стихотворством занималася по-дилетантски, между делом. Началом серьезной творческой работы считаю 1945 год, когда мои стихи стали частенько появляться в областной газете «Кузбасс».

После армии первое время работал военруком, культмассовиком, затем был приглашен в редакцию газеты «Кузбасс» на должность литсотрудника. Был также корреспондентом радио и редактором отдела художественной литературы в Кемеровском книжном издательстве.

В 1952 году вышел первый мой стихотворный сборник «Солнечные дни». Затем были изданы книги стихов: «На берегах Томи» (1953), «Юным друзьям» (1957), «Моим землякам» (1958), «Лирика» (1961), «Родные проселки» (1963). В 1962 году принят в члены Союза писателей СССР. (В дальнейшем М. А. Небогатов выпустил книги «Майский снег» (1966), «Свет в окне» (1969), «Спасибо сентябрю» (1972), «Земной поклон» (1976), «Лето» (1981), «Земля моя добрая» (1984), «Перепелка» (изд-во «Современник», 1988), «Вечерние огни» (1989) — Ред.).

Мой любимый современный поэт — Александр Твардовский. Считаю его своим учителем.

Михаил Небогатов
(«Майский снег», 1966)

* * *

Как быстротечна времени река!
Как безгранична — нет конца ей, края!
Часы, и дни, и годы, и века
Уносит та река, в себя вбирая...
Твое письмо получит адресат,
А уж оно — посланье из былого.
Три дня, а то и десять дней назад
Ложилось на листок за словом слово.
В них весть о чем-то, что уже прошло,
И настроение то, что миновало.
Был ясный день или снежком мело,
Когда писал ты,—
Все прошедшем стало...
Читает добрый друг твое письмо,
И невдомек ему в минуты эти.
Что время с ним беседует само
О том,
Как мимолетно все на свете...

* * *

Ненесчислима звездная семья.
И, как гласит
Народное предание,
В том сонме звезд
Есть где-то и твоя,
Твоя со дня рожденья
До скончания.

Живой ее огонь,
Смотри, не сглазь.
Раз он горит —
Недаром, видно, тратится.
Узнать бы,
Для чего звезда зажглась,
Поверить бы,
Что долго не закатится.

6

7

7

7

* * *

Да, важно смолоду найти
В себе призвание к чему-то.
И не сворачивать с пути,
Как ни пришлось бы часом круто.

Наверно, тот и даровит,
Кто верен своему призванию.
Лишь дайте время — удивит,
Придет к достойному признанию.

Бездарен, видно, только тот,
Тщеславью преданный всецело,
Кто не своим путем идет,
Не за свое берется дело.

1952 год

3 декабря

«Это представлялось немыслимым — увидеть среди книг свою... И вот книга напечатана, продаётся, а радости большой я не испытываю. Мечта сбылась, но поздновато: ведь как-никак мне уже тридцать второй год. И постоянное чувство мое — неудовлетворенность всем, что я делаю. Все что-то не то. И вроде знаю, как должно быть, а не могу.

Помню первый свой в жизни стишок:
«Всюду зелени чуткое море».
Помню, как он волнением обжег
В летнем сине-зеленом просторе.

Я, мальчишка,— на горке в лесу,
А внизу — городьба, огороды...
Так вот — с детства — в себе и несу
Чувство родины, чувство природы.

8

23 апреля

Весь день просматривал «толстые» московские журналы — «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» за 1956—1957 гг. Материала для подкрепления моих соображений насчет нашей поэзии (серость, шаблонность, оригинальничание, а нередко — и просто бессмысличество) хватало. А впрочем — плетью обуха и не перешебишь.

Новых имен пока что нет.

Вот образчик сегодняшней поэзии (хочу привести его в статье):

Соль моя! Мелкая... крупная... градом...
спутница жизни, жена и сестра.

Автор — быстро набирающий разбег на литературной дорожке В. Боков, Стадион — журнал «Октябрь».

25 апреля

В «Литературной газете» заметка «Дым отечества». Новая повесть К. Симонова. В обсуждении (повести) участвовали И. Эренбург, К. Федин, Д. Данин, Н. Москвич и др.

Вот что сказал Эренбург:

— Это страстно написанная вещь. Она горячо защищает интересы советского государства...

— В новой повести Симонова, — подчеркнул К. Федин, — сочетались лучшие особенности его дара: первом драматурга написан диалог, первом публициста размышления героя, в лирических эпизодах, особенно в finale чувствуется перо поэта...

Я написал по этому поводу:

Читатель книжицу листая,
Не обнаружил тех сторон...
Нет, лучше я перечитаю
Односторонний «Тихий Дон».

9

29 апреля

Был вчера в издательстве. Очень расстроился, увидев сигнальный номер сборника стихов «Моим землякам»: опечатка на опечатке, пропуски, перестановка строк. Типографские недоделки так очевидны, что решено устраниить хотя бы самые вопиющие.

Перечитал еще стихи (старался глядеть глазами постороннего). Свое отношение к миру, по-моему, удалось передать (это главное), но некоторые стихи уже не нравятся. Чувствую я глубже, чем выражаю.

Говорят, очень полезно ежедневное писание. Может быть. Я вот пишу каждый день — и каждый день те же трудности, что и накануне, и год назад.

Интересное открытие сделал для себя, листая журнал «Знамя» за март 1958 г. «Это поистине редкая книга. Какая свобода, какая чудесная удасть, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!» — так восторженно писал о «Василии Теркине» Иван Бунин. Об этом отзыве я не знал и очень рад, что он стал известен советским читателям.

Жаль, что истинно русский стих — сочный, с естественными интонациями становится у нас редкостью. Налицо большое что-то манерное, тяжеловесное, усложненное кудреватой рифмовкой, какими-то искусственными оборотами речи.

Стремление к новаторству, говорят.

О ПРОСТОТЕ

Обидно мне за простоту:
Иной в презрении ретивом
Ее обходит за версту
И называет примитивом.
За сложность ратует такой,
В нее лишь верит непреложно,

Не зная истины простой,—
Что эта сложность часто ложна.
Абстракций красочных потоп
Увидят «тонкие» эстеты
И начинают морщить лоб,
Искать какие-то секреты.
Мол, сразу видно мастерство.
Здесь что-то есть, хоть непонятно...
Да бросьте! Нет же ничего,
Одни бессмысленные пятна.
Иль что-то модное прочтут,
Где даже формулы меж строчек,
И снова ищут смысла тут—
В стихах без запятых и точек.
Увы, у многих нет родства,
Нет дружбы с простотой природной,
Не с той, что хуже воровства,
А с той — высокой, благородной.
О простота! Я с нею рос.
Союз наш крепок и надежен.
Она — как скромный свет берез,
И вместе с тем — как блеск из ножен.

9 мая

Закончил статью для «Сибирских огней». Основная мысль — оэт и народ. Высказал свои соображения насчет некоторых приемов, по каким простые люди предпочитают прозу стихам.

Сами поэты отучивают читателя от стихов — своим легкомысленным отношением к художественному слову, вычурностью, надувательством, фальшью. Прошелся я по кой-кому довольно бесцеремонно...

Редактор отдела художественной литературы нашего издательства К. А. Шилова была в Новосибирске на Всероссийском совещании детских писателей, и С. Е. Кожевников, председатель правления СП, спрашивает ее, почему, дескать, Небогатов до сих пор не присыпает рекомендации для приема в Союз писателей. Всегда раз! Рекомендации от Е. К. Стюарт и И. Е. Ерошина я послала еще 25 февраля. Оказывается, не получили. По словам Шиловой секретарь обкома А. М. Лыткин тоже интересуется, принял ли меня в Союз писателей.

Можно не печататься в Москве и не считать себя ниже некоторых из тех, кто печатается там постоянно. Надо только много работать и самому верить в себя.

15 июня

Среди стихов Бунина привлек внимание своей мастерской отысканием один из сонетов. Захотелось самому что-нибудь сделать в этом роде.

22 июня

Сегодня воскресный день совпал с годовщиной, которая никогда и никем из русских не забудется: семнадцать лет назад, 22 июня, было тоже вот такое же ясное, солнечное воскресенье, и вдруг празднично настроенные люди узнали страшную новость — война.

СОНЕТ

Год сорок третий. Госпиталь в Боржоми.
Глаза откроешь: в окнах — стены гор...
Как мачты, сосны в утренней истоме.
Внизу — Кура, кизиловый узор.

В палате белой, будто в отчим доме,
Покой и свет. И тихий разговор...
Гром самолетный. И при этом громе
Под окнами лезет сумрачный майор.

Ему бомбажек чудится раскаты.
Он весь изранен и контужен был.
Никто не скажет: мол, зачем, куда ты?
В нем ужас тот доныне не остыл...

На нас не гимнастерки, а халаты.
Но как поверить: здесь — не фронт, а тыл?..

Вчера заходил в редакцию «Кузбасса». Думаю, что предложенные стихи не дадут. Теоретически они за поиски в творчестве, за проявление поэтической индивидуальности, а на практике — не любят ни то, ни другое. Для меня это не новость. Надо писать что-то чисто газетное, чтобы с ходу сдавалось в набор. Иначе — зубы на болку.

24 июня

Деньги, полученные за книгу, на исходе, а печатаюсь редко, ходя работаю много. Вчера написал два стихотворения. Это, по-моему, должно понравиться газетчикам.

К сонетам я уже охладел. Отнеслись к ним равнодушно — и я отерял интерес.

Перечитываю Ф. И. Тютчева. Глубина чувства и мыслей в его лирике — поразительная.

26 июня

Приезжал ко мне из редакции А. Ивачев (работник партийного отдела, очеркист) с просьбой написать стихотворение для полосы которую он готовит. Я согласился.

Очень трудно мне даются публицистические стихи. Но переламываю себя и заставляю писать. Это стихотворение писал долго — вчера до трех ночи; встал в девятом часу и опять принялся. Итого — почти сутки.

* * *

Ах, мой друг. Задушевный мой друг.
Никогда мы не встретимся больше...
Знаешь, что мне подумалось вдруг?
А ведь мог ты пожить и подольше.
Речь о том не случайно веду.
Как ты сам говорил мне, бывало,
Долгожителей в вашем роду,
Коль умом пораскинуть, немало.
Образ твой бескорыстно любя —
В час нелегкий для сердца опору,—
Вспоминаю я парнем тебя
В довоенную давнюю пору.
На все руки ты мастером был —
Журналист и лихой городошник,
С балалайкой, с гармошкой дружил,
Брал призы как любитель-художник.
В те года никакая беда
Не грозила перстом алкогольным.
Гулеванил наш Гурьевск тогда
Лишь по праздникам редким престольным.
А когда отгромел над Москвой
В честь Победы салют долгожданный,

Крепко запил народ фронтовой,
Гостенек в каждом доме желанный.
Разливанное море-вино
Затопило российские дали.
В забегаловках слился в одно
Звон стаканов со звоном медалей.
И пошло и поехало: «Пей!
Отдыхай от войны-непогоды!»
Растянулось веселье тех дней
Не на год, а на многие годы.
Помню, в землю я будто бы врос,
Когда ты, друг, ходивший в атаки,
Боевые награды принес:
— Дай мне трешку за все железяки!
Позабуду ли, как ты лежал
Там, где шприцы, таблетки да склянки,
Как, распухнув, надсадно дышал,
Угасал от сердечной водянки.
Угасало, как зимний закат,
Все, что в юном тебе расцветало,
Чем ты был от природы богат,
Что возвышенным так и не стало...
Ты не просто скончался — убит!
И на память нам то, что хотели,—
И «Московского дворика» вид,
И пейзаж, где «Грачи прилетели»...

6 июля

Сейчас — десятый час утра, а я уже с маленькой победой: написал стихотворение — своеобразный гимн лету. Самому удивительно и... боязно чёмного: сумею ли так написать еще что-нибудь. Где и когда все это будет напечатано — особый вопрос, об этом я не тревожусь. Было бы что печатать.

Отгрохотав, гроза ушла на север.
Вновь свежий ветер, солнца мягкий свет.
Как остро, сладко пахнет алый клевер,
Что входит в силу, набирает цвет!

Лучится поле, блестками сверкая,
Прохладной, влажной свежести полно.
Ты приглядись-ка, красота какая:
Все серебристо-красное оно!

А чтобы мир, который блещет ярко,
Еще был ярче, краше и нежней,
Над ним взметнулась радужная арка,
Горя соцветьем всех семи огней.

Как хорошо, как радостно до боли
Жить ощущеньем праздничным одним:
Неугасимо клеверное поле
С теплом лучей и с радугой над ним!

Бездонно в небе вольном и высоком,
Поля вокруг сонливы и тихи.
На солицепеке земляничным соком
Природа пишет летние стихи.

Цветок к цветку,
Как слово к слову, лепит.
То песней прозвенит, а то замрет.
И трепет колосков, и речек лепет,
И мед гречишный —
Все в строку берет!

Бор — зеленая обитель.
Словно сосны,
День высок.
— Митю видел?
Митю видел? —

Звонкий птичий голосок.
Кто такой он, этот Митя?
Чай, кому товарищ, брат?
Но, как в детстве:
— Видел, видел! —
Я ответить птичке рад.

Митя — друг ее, наверно.
А иначе для чего
Ей тревожиться безмерно,
Мол, не видел ли его.

29 июля

Онять потеря: не стало Петра Ивановича Замойского. Мне посчастливилось дважды видеться с ним — в Кемерове в 1948 году, когда он приезжал сюда в командировку, и весной 1950 года в Москве.

Печальная судьба этого писателя: его книги («Подпасок», «Молодость», «Лапти») в течение многих лет зачитываются народом по дыр, а их даже не удостоили до сих пор вниманием — нет ни биографических статей, ни исследований. Бабаевскому, кажется, четыре раза прицепляли значок лауреата, а Замойскому не дали ни одного. Как же это случилось?

3 августа

Сегодня я испытываю такое чувство, которое можно, пожалуй, выразить только словами крыловской басни: «От радости в зобу дыханье сперло»; только что принесли письмо от А. Т. Твардовского.

Не всяк может понять мою радость от этого письма, но я-то знаю, что А. Т. будет со временем назван классиком и то, что он заметил, подбодрил меня — великое счастье. Теперь я буду работать еще упорней.

27 августа

Раздумывая о своей литературной судьбе, я невольно стараюсь утешить себя тем, что она похожа на многие другие судьбы К. А. Урманов — новосибирский прозаик, поэт И. А. Мухачев, тоже новосибирец... Они уже старики, издали в Сибири по нескольку полноценных книг, а в Москве заметили их совсем недавно, по существу, на закате их жизни. Я знаком с обоями. Это очень симпатичные, очень скромные люди. Урманов — могучей комплекции человек, природный таежник, истинно русский, кондово-сибирский характер. Мухачев — напротив: болезненный, слабый, подслеповатый старик, но тоже бывший следопыт, любитель лесов и гор и в поэзии — певец природы. Еще с довоенного времени помню я наизусть его строки. И вот двое этих честных тружеников почти всю жизнь не могли пробиться в большую советскую литературу, хотя смолоду имели право занять в ней достойное место. Но по чьей вине? Да по вине равнодушных дельцов, присосавшихся, как пиявки, высоким креслам в Союзе писателей.

Теперь, так сказать, исправили положение: Мухачеву даже орден Трудового Красного знамени дали. Не поздновато ли? В прошлом году я видел его в редакции «Сибирских огней». Усталый, разб

ый. Высоцкий поинтересовался: «Что же, Илья Андреевич, орден не носишь?» Тот в ответ только вздохнул...

Но потому ли многие литераторы и перекочевывают в столицу, поближе к кормушке.

Кто-то в печати это обосновал тем, что, дескать, все самое блестящее тянется к сердцу Родины, чтобы ощутимей чувствовать пульс советской действительности. И только «бесталанный» Шолохов не может расстаться со своей станицей Вешенской...

* * *

Творцы картин, симфоний, книг ли —
Все эти люди среди нас.
И мы настолько к ним привыкли,
Что мало ценим их подчас.

Заслуги близких не в новинку,
Теплей о предках говорим:
Как счастлив был, кто видел Глинку,
Встречался с Пушкиным, с Толстым.

Вот так, грустя над «Тихим Доном»
Иль шуткам Теркина смеясь,
Не раз со вздохом затаенным
Потомок скажет и про нас:

Мол, были некогда счастливцы,
С кем шел бок о бок до конца
И житель Вешенской станицы,
И автор «Книги про бойца»...

1 сентября

Литературные газеты широко отмечают годовщину со дня опубликования партийного документа — выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» (28 августа 1957 г.), а еще раньше подвергался критике ряд писателей «за нездоровые настроения», выражавшиеся в опубликовании ревизионистских произведений. В первую очередь досталось Дудинцеву за роман «Не хлебом единъ» — об изобретателе-одиночке, о его борьбе с косностью, бюрократизмом, шкурничеством. Критиковали и других, в частности, К. Симонова, М. Алигер, А. Яшина...

В республиках и областях, и краях тоже не обошлось без выявления ошибочных тенденций в творчестве местных литераторов. В нашей области козлом отпущения оказался я. Кому-то помстилось, что в опубликованных в те дни двух моих стихотворениях «О счастье» и «Жил человек» есть попытка очернить нашу действительность, главным образом, руководящих работников. Настроили об этом и преподнесли первому секретарю обкома С. М. Пелищу, к которому вскоре я был вызван для беседы. Чувствовалось, что самому ему не до наших стихов, а внушение делать приходится по долгу службы. Ну, а если вы, мол, не согласны, пожалуйста, доказывайте, спорьте.

Легко сказать: спорьте. Это Лев Толстой писал царям письма, в которых высказывал им все, что хотел. Я только сказал, что не ждал какого-то иного толкования.

Совсем иначе были оценены эти стихотворения читателями. Получил я отклики. Что случается нечасто. В откликах стихи называны правдой жизни. А Казимир Лисовский восхищен заключительным четверостишием стихотворения «Жил человек» (о молодом безвестном поэте).

В сборник син «крамольные» стихи не попали.

* * *

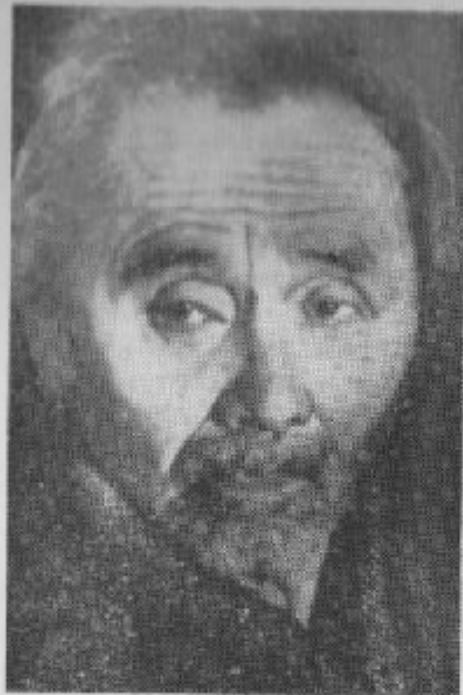
Жил человек... Ну, чем не диво:
Все что-то пишет, ночь не спит.
То улыбается счастливо,
То сам с собою говорит.
Жил, как чудак, и умер так:
Среди исписанных бумаг.
Не всеми признанный когда-то,
Тот человек для нас велик.
Его труды храним мы свято,
Он был творцом бесценных книг...
Вот и сейчас, наверно, где-то
В селе или в городе каком
Не спит до самого рассвета
Юнец, прославивший чудаком.
Он тоже может стать великим,
Коль демагоги и ханжи
Его не сделают безликим
Жрецом парадности и лжи.

1 октября

Получил из Новосибирска журнал «Сибирские огни». Моя статья входит самой первой.

Вышел в свет наш альманах «Огни Кузбасса». Центральное место в нем занимает повесть В. Рехлова «Рудознатец». Я рад за Рехлова. Интересная деталь: в альманахе разносится в пух и прах книга очерков краеведа И. Зыкова («С ружьем и котомкой по тайге»), а в «Сибирских огнях» эта книга возносится до небес. Кому же верить? — будет гадать читатель.

Позавчера нагрянул ко мне неожиданный гость — Женя Буравлев, один из самых серьезных местных поэтов. Ночевал. О многом переговорили мы. Пишет он сейчас поэму «Красная горка». Читал мне вступление. Крепко написано, причем на этот раз — в строго классическом размере (чего не было у него раньше). Есть строки о Твардовском — сильные, восторженные.

С. Торбоков. М. Небогатов перевел с шорского языка на русский книгу его стихов.

15 ноября

Все дни перевожу Торбокова. Эта работа, с одной стороны, радует, а с другой — несколько ущемляет. Радует потому, что появляются новые стихи, и неплохие, а жаль, что к ним будешь иметь скромное отношение. Но помочь человеку — не последнее дело. Без меня его подстрочки так и остались бы подстрочниками.

МОИ ШОРСКИЙ ДРУГ

С. С. Торбокову

Он мне и вам в отцы годится,
Немало прожил — шестьдесят.
А как умеет он трудиться!
А как глаза его горят!

Седой, коричневый от ветра,
По тропам отчей стороны
Шутя полсотни километров
Пройдет пешком — и хоть бы хны.

Дымит спокойно сигаретой.
И не спеша ведет рассказ,
Как удалось в дороге этой
Пополнить записей запас.

Все близко сердцу следопыта,
Душе сказителя-певца:
И ясли, что в селе открыты,
И магазин без продавца.

Он знает хватку и отвагу
Тех, кто рубает уголек,
Снег на вершинах Ала-тага,
Костра таежного дымок.

Бегут в тетради стежки строчек,
Листвой колышутся слова...
— Давай-ка, друг мой, переводчик,
Засучим вместе рукава.

И допоздна сидим мы рядом,
Родним два разных языка,
Чтоб новым ладом, русским складом
Звучала шорская строка.

23 ноября

Получил от Жени Буравлева отрывок из поэмы «Красная горка», чтобы высказал я свои замечания. Талантливый он, черт! Многое так называемых находок. Вообще — сильно, зрело. Если так будет написана вся поэма, то Женя сразу шагнет с ней в большой круг читателей. Очень рад за него.

* * *

Есть видимость цветения,
А поглядишь на свет:
Красивое растение —
Обычный пустоцвет.

Есть видимость поэзии.
Но острый ум, как нож,
Разрежет строчки резвые —
И в них пропустит ложь.

Есть зло, добру подобное,
Но время лоск сотрет —
Увидишь только злобное,
Холодное, как лед.

И есть добро, похожее
На зло. Но жизнь и там
Проявит все хорошее,
Расставит по местам.

Советов поучительных
Не дам. Не обессудь.
Я сам ищу мучительно,
Где видимость, где суть.

20 декабря

Итак, Союз писателей РСФСР организован. Перечитал я все выступления делегатов съезда писателей. Поумнеть не от чего. И вдохновиться тоже нечем. «Мы писатели должны... Мы обязаны...» и пр. В общем, ни одного свежего голоса, кроме разве двух-трех из братских республик (Р. Гамзатов, М. Карим): в их речах есть что-то живое. Все остальное — сплошная алилушина, жвачка. Шолохов и Твардовский только присутствовали.

СВЕТ В ОКНЕ

Ночь. Метель укрыла город.
Только ветра буйный бег.
Снег летит в лицо, за ворот,
Залепил ресницы снег.
Ты промерз, устал в дороге,
И мечтаешь об одном —
О родном своем пороге
В снежном городе ночном.
И какое это счастье —
За углом, где так темно,
Сквозь метельное ненастье
Увидать свое окно!
Свет горит, и в ярком блеске,
Где кружится, вьется снег,
Силуэт на занавеске —
Ждет любимый человек.
И, растроганный немножко,
В кутерьме до самых крыш,
Ты на светлое окошко,
Тихо радуясь, глядишь.

Вспоминаешь, как до дрожи
Стыл ночами на войне,
Ничего не знал дороже
Света мирного в окне.
В небе сумрачном, тревожном
Бились всполохи ракет,
И казался невозможным
Этот милый теплый свет...

АПРЕЛЬ 1941-го

Апрель был солнечно-беспечным.
Шумел перрон, хмельной слегка.
С благословением извечным
Прильнула мать к плечу сынича.
— Ну, что ты вдруг загоревала?
Я ж просто в армию иду...
Но сердце матери вешало
Еще неясную беду.
Доньне вижу: слезы льются,
В морщинах светятся они.
— Дай бог тебе живым вернуться.
Господь тебя оборони...
Но мне ничуть не до печали.
Лишь боль от скорбного лица.
А так — вся жизнь еще в начале,
И нет ей, кажется, конца.
С чего живым-то не вернусь я?
Покоем, миром жизнь красна.
И так безоблачно над Русью,
Такая ясная весна!
Я с мамой, с городом над Томью
Прошался, весело шутя.
Кто знал, что слезы эти вспомню
Всего два месяца спустя...

ПАХАРЬ

Он помнит то давнее лето,
Что буйно цветло у окна.
Был громом в тиши сельсовета
Звонок телефонный: — Война!..

И в голос все бабы завыли,
Детишки испуганно — в крик...
А утром — лишь облако пыли,
Кормильцев увез грузовик.

Не думал он, пахарь, когда-то
В своей полевой тишине,
Что в жесткой шинели солдата
Пройдет по великой войне.

Донные все видится-снится,
Как «тигры», один к одному,
Идут, подминяя пшеницу,
Как будто идут по нему...

* * *

Редкий дом обошла похорошка —
Скорбный листик бумаги простой.
Дорогая, родная сторонка
Стала в годы войны сиротой.

Приглядись-ка вот к этому снимку,
И кого здесь узнаешь, ответь.
...Дядя Глеб с тетей Клавой в обнимку!
Лишь за месяц, как ей овдоветь!

ПОСЛЕ БОЯ

За селом,
Где гитлеровцы драпали,
Где снега от гусениц визжат,
Два солдата —
Наш и немец — на поле,
Кончив рукопашную, лежат.

Смотрят в небо,
Мертвые, безгласные,
Бившиеся насмерть за село,
Лишь теперь
По-мирному согласные,
Что война — ужаснейшее зло...

Едва рванулись мы за лог,
Деревне маленькой навстречу,
Вдруг — пулемет.
Наш взвод залег.
И слышу — дернуло за плечи.
Но тут же громкое «ура-а!»
И вновь — вперед что духу было,
Туда, откуда немчура
Очередями густо била.
Вперед, вперед
Сквозь жаркий шквал,
Покуда с ног не сбит,
Спеши ты!

...Потом я вешмешок свой снял —
В нем котелок,
С боков прошитый.
Сидел я в занятой избе,
Разгоряченный и усталый.
И стало вдруг не по себе
От краткой мысли запоздалой:
Уже я был бы неживой,
Чуть-чуть пониже
Пуля брызни —
Она прошла над головой
Всего на полвершка
От жизни...

НА ПОСТОЕ

Он на ночь здесь.
Хозяйка — молодая.
Прилег, усталый, в угол
На шинель.
Подушку взял, обидеть не желая,
Но отказался (роскошь!)
Брать постель.

Не спят, вздыхают оба до рассвета,
Она — в кровати,
Он — в своем углу.
С ней рядом муж,
Хоть он на фронте где-то,
А с ним жена,
Что ждет его в тылу...

* * *

Он был на фронте все четыре года
За много верст от дома своего.
Жена-солдатка в ящике комода
Хранила кепку старую его.

Когда тоска особенно сжимала,
Она, чтоб удержать себя от слез,
Ту кепку доставала и вдыхала
Родимый запах пота и волос.

1959 год

18 февраля

В конце прошлого месяца состоялось областное совещание литературного актива. Как я и ждал (да и не только я), ничего доброго оно не дало. Наоборот. Секретарь по пропаганде и агитации высказал, например, замечание, что газета «Комсомолец Кузбасса» часто печатает лирические стихи, в частности, о неразделенной любви. «Комсомольцы» перепугались и перестали печатать стихи вообще. «Критика» помогла. Совещание еще раз подтвердило, что никому наше «творчество» не нужно, а обсуждают его время от времени только ради того, чтобы где-то поставить «птичку» — проведено мероприятие.

На года в год мы слышим одни и те же призывы: создавайте произведения, достойные нашего времени, достойные нашего замечательного края. А насчет помощи, в чем бы она ни выражалась, обращайтесь, как говорится, к Пушкину.

Были у меня гости: Е. Буравлев, А. Пинаев, И. Лушкян. Привез их Анатолий Иванович Кыков. Посидели около часа. Пинаев настроен неважно. Думаю, говорит, бросать это дело, т. е. литературу.

Поэму «Красная горка» начал печатать «Кузбасс».

Из Новосибирска на совещание приезжал А. В. Никульков. Задавал ко мне выяснить, почему до сих пор не оформлено мое вступление в СП. Странно. Он — заместитель секретаря правления и не знает, во что упирается вопрос. Ведь потерянные где-то рекомендации и восполнены копиями.

В последнем номере «Литературной газеты» опубликована статья Н. Асеева под заголовком «Кому и зачем нужна поэзия». Поэзия, говорит он, прежде всего нужна молодости.

Асеев приводит пример: «В молодости мной написано стихотворение об отлетающих птицах.

За отряд отлетающих уток,
За сквозной поход облаков
Мне хотелось отдать кому-то
Золотые глаза веков.

Что эти слова обозначали, в точности, я и сам не знал еще... (Ну и ну!) И лишь позже, старым человеком, я понял, что эти стихи были об улетающем времени, ощущение которого реализовалось через стан птиц, летящих к югу».

Я решительно не понимаю такой поэзии, где сам автор не может сразу разобраться...

* * *

В поэзии готов стоять горой
За то, чтобы быть всегда
Самим собою,
Чтоб за меня лирический герой
Не щеголял придуманной судьбою.

Свою судьбу — и радость и беду —
Вверяю я стихам, что встали строем.
Такой, как есть, к читателям иду,
Не прячась за лирическим героем.

8 апреля

Ичера был у меня гость — Женя Буравлев. Полдня пробыл у меня. Читал новую, четвертую главу поэмы «Красная горка». Могу сказать одно: перешагнул он всех нас. Формой стиха овладел безусловно, язык живой, народный, чисто русский, с юмором. Я от души рад за него.

13 апреля в Кемерове — межобластное совещание литераторов (томских и кузбасских). Возглавлять его будут москвичи. Женя Буравлев говорит, что даже фамилии их не знакомы. К обсуждению выдвинуты: Е. Буравлев, Б. Тучин, В. Баянов. Баянов и Тучин только расправлют крылья.

* * *

Мы ценим все, что сделано добротно,
Что для души приятно и для глаз —
Дворцы, стихи, художников полотна
Иль просто мебель в комнате у нас.

Чем лучше вещь, изделие, творенье,
Тем незаметней главное всегда:
Какое в это вложено умение,
Какого это стоило труда.

Не жизнь, а тяжкое существование. И какой шут толкнул меня посвятить жизнь поэзии! Прав был Петр Петрович Вершигора, когда, будучи в Кемерове, удивленно заметил, узнав, что я живу исключительно литературным трудом (с семьей в пять человек): «Да разве можно прожить на стихи?»

Совещание проходило четыре дня. Поэму Буравлева разгромили. Придрались к сюжету, композиции, риторичности.

Вчера в ответ на его письмо отправил ему целый трактат по этому поводу. Мой совет — плюнуть и забыть все, что там говорилось «высокими» товарищами. «Красная горка», на мой взгляд, добродушная вещь.

Вопрос об организации СП в Кемерове не поднимался, наоборот — заглох.

* * *

...Спеша по городу родному,
Иль тропкой по полю идя,
Ты рад цветам, березкам, грому
И каплям звонкого дождя.

И не одни в труде «находки» —
Сравненье, рифма, верный ритм —
Бывает так, что стопка водки
Тебя с морозу ободрит...

Ты человек! И все мирское
Тебе не чуждо. Верю я.
Так почему ж в стихах — другое?
Скажи, где в них душа твоя?

Твои герои даже в горе
Под стать безумным бодрячкам.
Всегда огонь у них во взоре,
В душе — пристрастие к речам.

Сам бродишь в роще, на охоте,
А твой лирический герой
И днем и ночью на работе,
Не ест, не пьет, не спит порой.

Увидят критики вот это
И, от восторга не дыша,
Начнут расхваливать поэта,
Мол, тут идея хороша:

Воспета жизнь в таежном kraе,
Детали стройки хороши...
А я, читатель, так считаю:
Пустая штука, без души.

Комплект машин благовеино
Ты описал со всех сторон.
И все в порядке: раз — «идейно»,
Вопрос поэзии решен.

Ты не заметил даже листик,
Задевший девичье лицо...
И не художник, а статистик
В холодных строчках на лицо.

Не спорю, труд — всего основа.
Но человек — не механизм.
А ты считаешь: все готово,
Коль вставил слово «коммунизм».

12 июня

Просматривал журнальные новинки за май: «Новый мир», «Звезду», «Знамя» и др. До чего все однообразно — и проза, и стихи, и публицистика. Имена авторов — одни и те же, до чертиков знакомые. Излюбленная тема поэтов — дороги, странствия, ночевки у костров (у большинства — фальшивь все это); у публицистов — преобразование земли, борьба за семилетку; у прозаиков — производственный пафос. Скучно, серо, монотонно.

Очень малопривлекательна внутристоронняя жизнь. Писать в таких условиях — все равно, что покупать лотерейный билет: можно выиграть не только авторучку, но и телевизор, а вернее всего — ничего не выиграешь, лишь пустишь на ветер капитал, т. е. душевную энергию. И все-таки надо писать. Только работа в состоянии отгородить душу от этого базара, где толкуются литературные спекулянты.

РОДСТВО ДУШ

А тружусь я с надеждой одною,
Одного утешенья ищу:
Должен кто-нибудь вместе со мною
Загрустить, если я загрущу.
Не хочу недоверьем обидеть
Тех, с кем радость работы делю:
Должен кто-то любить, ненавидеть
То, что я ненавижу, люблю.
Должен кто-то моими глазами
Видеть мир, окружающий нас.—
Облака над полями, лесами,
И веселого дождика пляс,
И небесной дуги самоцветы
В зеркалах успокоенных луж...

Для кого бы творили поэты,
Если б не было родственных душ?

6 июля

Прочитал книгу стихов Николая Перевалова «Ледоход». Вот кто настоящий поэт. Не чета многим московским «гениям». Чем приватен его стихи? Тем, что он в них — весь с открытой душой. А душа у него хорошая. Много человечности, теплоты.

21 июля

С деньгами, как всегда, туго. В первой половине месяца зарплатил 50 рублей. Уже заняли пятьсот. В издательстве денег на счету нет. Так что об авансе за сборник не может быть и речи. Куда ни кинь — везде клин.

4 августа

Несколько дней назад мы переехали в новую квартиру, в центр. Наконец у нас квартира со всеми удобствами. В старой, неблагоустроенной, мы за зиму сжигали десять тонн угля.

Из творческой колеи выбит, и когда войду в нее — трудно сказать.

8 августа

В 8-м номере «Сибирских огней» напечатана статья С. Залыгина — «Об альманахах и по поводу альманаха». Речь в ней идет в основном о нашем альманахе (томский только упоминается). Всем кузбасским литераторам досталось, даже Волошину. Косарь разбит в пух и прах — и как очеркист, и как поэт. Дальше обо мне. Страницы Косаря читателью выданы как мон. До того люди докритикуются, что сами не знают, что делают. Надо же дойти до такой наглости — приписать строчки одного другому, лишь бы достигнуть своей цели, которой задался — во что бы то ни стало раскритиковать, принизить, поставить крест на авторе.

Лично Залыгина я не знаю. Он приезжал в Кузбасс на совещание. Вся статья — деготь. Журнал считает, что в Кузбассе нет никакой литературы. Вот такие дела. Учителей, указчиков, критиков — хоть отбавляй, помощников, добрых друзей не найдешь.

Зорьки первый мазок —
По макушке кедровой.
День означился новый —
И лучист, и высок.

Но порой небеса
Мраком зреют жестоко.
По всему, что высоко,
Бьет больнее гроза!

17 августа

Сборник включен в тематический план, т. е. издать его предполагается в 1961 году, хотя запланирован был на этот год. А денег нет. Долгов — больше тысячи.

Пришла мысль создать цикл коротких поэм. Темы брать самые, что называется, животрепещущие. Но писать так, чтобы поэмы эти не были «злобой дня», а имели «вневременное» звучание, т. е. не старели бы и завтра.

25 августа

Неожиданно получил от С. Залыгина письмо. Извиняется за путаницу в процитированных строках; это, говорит, техническое недоразумение. Возможно. Я уже не сержусь. Отходчив русский человек. Упрек в недоброжелательности отклоняет. В подтверждение приводит Залыгина факт, приятный для меня: недавно, мол, все новосибирское правление, в том числе и он, Залыгин, рекомендовало меня в члены Союза писателей.

В конце письма Залыгин выражает желание получить от меня стихи для журнала.

ЖИЗНЬ ВЕЛИТ...

Мы с тобой давно уж не мальчишки.
Жизнь велит: мудрей на мир гляди...
Не суди о людях понаслыше,
Хорошо ли, плохо — не суди.
Человек понятней за беседой.
Вот ты с ним и встретишься для того.
О себе все искренне поведай,
Расспроси о главном и его.
И о ком ты раньше думал плохо,
Потому что верил слухам всем,
От кого, быть может, ждал подвоха,—
Вдруг иным окажется совсем.
Не таким, как ты считал когда-то,
Рад тебе, как другу своему...
И, смутился, осудишь сам себя ты
За былую холодность к нему.

29 августа

Читаю Блока. Уливаюсь музыкой его стихов, «яростью» его чувств. А какое горение, какая работоспособность!

1 декабря

Сборник лежит без движения. Главная моя трудность — безденежье. Просто ума не приложу, чем кормить детей.

Духовная жизнь — вот в чем суть всякой творческой личности... А я иногда пренебрегаю своими переживаниями, не использую их в стихах, зная, что эти стихи никто не возьмет в печать. Но не век же будет так.

* * *

Когда ты спишь,
Мне грустно почему-то,
Как будто далеко ты от меня.
Проходит за минутою минута,
Тоскливое молчание храня.

И так услышать
Голос твой мне надо,
И так сильна
В душе моей гроза,
Что ты и впрямь
От пристального взгляда
Приоткрываешь
Сонные глаза...

НАЧАЛО ЗИМЫ

С утра в глазах рябят снежинки,
Штрихуют воздух, торопясь
Засыпать тропки и ложбинки
И оголенных веток вязь.

Сперва покров настолько тонок,
Так шубка снежная нежна,
Что ступит валенком ребенок —
Чернеет след, земля видна.

Здесь шины след, там след копыта.
За всем, попробуй, усмотри!
Но снег упрямо, деловито
Летит и час, и два, и три...

И вот уж в белое затишье,
В простор сияющего дня
Легла, как первое двустшишье,
Чуть подсиненная лыжня.

А снег летит. И нам приятен
Его полет. Вблизи, вдали
Все меньше, меньше темных пятен
На светлом облике земли!

ВЕЧЕР В ПОСЕЛКЕ

Зимний вечер приходит в поселок,
В задремавшую рядом тайгу
Синевой у серебряных елок
На серебряно-белом снегу.

А когда над лесным частоколом
Загустеет закатная медь,
Все вокруг, что открыто и голо,
Начинает слегка розоветь.

Розоваты под снежною ватой
Лапы елок у низких ворот,
И дымок над трубой розоватый,
И в наносных холмах огород...

Вот в избе за сугробами где-то,
Где безмолвье и белая мгла,
Золотистая капелька света
Так приветно к себе позвала.

Вот за нею другую и третью
Холодеющий вечер зажег...
А мороз обжигает, как плетью,
И скрипнит под ногами снежок.

Даже красное в небе светило,
Тусклый блеск разбросав по лесам,
На морозе как будто застыло:
Поглядишь — и не больно глазам.

Талант, любовь
Нужны в любой работе.
Не так-то просто
Сделать даже стол...

Едва ли ты найдешь
В своем блокноте,
Чего ты прежде
В сердце не нашел!

Нет ничего безликого на свете,
На всем своя особая печать.
Невежество узнаешь по примете:
Оно безмерно любит поучать.
А у величья скромное обличье —
На нем морщины черного труда.
И поучать не станет нас величье,
Лишь дать совет решится иногда.

Май 1950 года. Представители Кузбасса на совещании молодых литераторов в Москве: слева направо А. Волошин, М. Небогатов, А. Косарь.

14

1960 год

12 января

Сегодня неожиданная радость: почтовый перевод на 1000 рублей. На бланке коротенькое пояснение: «Высыпаем пособие по ре-
гиону направления СП от 29/XII—59 г. Бухгалтерия».

Да, Свет не без добрых людей. В Союз пока не приняли, а кто-то в правлении понимает положение. Не знаю, чья это инициатива.

半 声 韵

Я видел раз воздушный бой,
От «ястребков» и «мессершмиттов»
Над той — немецкой — стороной
Гудело небо басовито.

Атака в лоб, удары в бок —
Смешалось все в круженье лютом..
Вдруг задымился «истребок» —
И летчик прыгнул с парашютом.

Сейчас, как хищник, «мессершмитт»
Мелькнет вблизи зловещей тенью —
Вмиг будет пулями прошит
Пилот, что стал простой мишенью...

Но вижу: друга самолет,
В крутой стремительности воя,
На помощь сбитому идет,
Берет его в кольцо живое!

Прошла минута, может, две —
Теперь фашист его не скосит:
Широкий купол в синеве
Июльским ветром к нам относит!

Все ниже, к нам на колею,
Где мы лежим, где чад над лугом.
А тот, кто спас его в бою,
Все ходит в небе — круг за кругом.

29 января

...Пришло письмо, в котором сообщается: «За деньги, высланные вам Литфондом, следует прежде всего благодарить Александра Трифоновича Твардовского.»

Чего-чего, а уж этого я никак не ожидал, чтобы сам Твардовский замолвил где-то слово за меня. Первый поэт России принял участие в моей судьбе.

26 февраля

Какие богатые источники человеческий ум и сердце! Напишишь одно стихотворение — и кажется: ну все, выдохся, и надолго. Оказывается, ничего подобного. Отдохнула немножко, освежился, смотришь, снова появились новые интересные мысли, чувства. И еще я сделал для себя вывод: чем больше и непрерывней работаешь, тем богаче мысли, надежней вдохновение. На деле убеждаюсь, как важно все время держать себя в творческом состоянии.

46

27 марта

Читаю свежие номера журналов — и выхожу из себя. Бог ты мой, что делается с нашей русской поэзией! С каждым годом все большее число так называемых молодых поэтов покоряет поэзию.

Но образцы этой новизны, которую расхваливают на каждом перекрестье:

Я сейчас, словно бабье лето,
Очень ласковый
И небритый
Под грядущей свечой ракиты
Я пишу стихи о ракете.

Автор — Владимир Костров. Даже в «Новом мире» вошедшая в мозгу Р. Казакова задает тон журналу:

О, как мы бесчестно и слепо
Пускали себя в оборот!
Вернется к насущности хлеба
От наших нетрудных щедрот.

Разберись в этом наборе слов. А мы еще удивляемся, почему мало любителей стихов. Да почитав такое стихотворение, и тот, кто ее когда-то любил, — разлюбит.

12 апреля

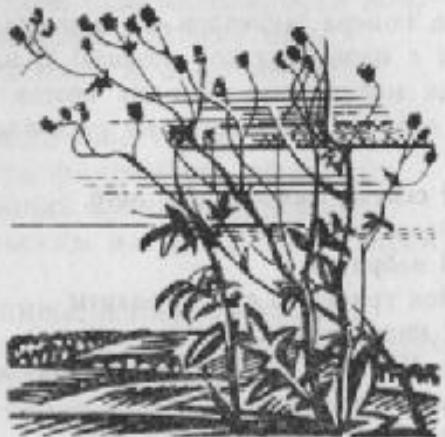
Почти два месяца писал по одному стихотворению в день. Задача нелегкая, но выполнимая.

16 сентября

Вчера были у меня гости: Анатолий Иванович Кыков — директор издательства и Саша Волошин. Часа четыре говорили мы о наших литературных делах. У Саши дела идут неплохо: в «Библиотеке Сибирского романа» в Новосибирске вышла «Земля Кузнецова». Скоро сдается в наше издательство новый роман.

Умер Федор Иванович Панферов. Одни за другим уходят старые писатели.

47

НА ИСХОДЕ ЛЕТА

Полями ли шагаю,
На лес ли засмотрюсь,
Во всем я замечаю
Задумчивость и грусть.

Томит молчанье стога,
Но нет, не скажет он,
Что думает дорога,
О чем вздыхает клен.

Вдали закат пылает.
И он не скажет мне,
Чья радость догорает
В его сухом огне.

ГОЛОС В ПОЛЕ

Не знаю, что за птица,
Но до сих пор со мной
И вечер, весь в зарницах,
И голос птицы той.

Настойчиво, упримо,
То громче, то слабей
Она все «мама! мама!»
Кричала средь полей.

Уже белесой дымкой
Вокруг роса легла,
А птица-невидимка
Умолкнуть не могла.

Уж неба panoramu
Закрыла плотно ночь,
А ей, зовущей маму,
Никто не мог помочь.

ОСЕННИЕ ДУМЫ

В предзимней серости и сырости
О чём задумались поля?
Что свежим травам, злакам — вырасти,
Лишь вновь согреется земля...

В предзимнем синем остром холоде
О чём задумалась река?
Что зеленеть в ней летней молоди
Берегового тальника...

В предзимней стылости, усталости
О чём задумался мой друг?
О встречах юности. О старости,
О вечной смене зорь и выюг.

О том, что, все сугробы-надолбы
В пути к весне преодолев,
Еще пожить на свете надо бы,
Послушать новых дней напев.

Послушать, внять с любовью кроткою,
Понять душою, что к чему,
И приобщить себя хоть поткою
К напеву звонкому тому.

* * *

На поле пала тень,
Как дума на чело:
Что значит этот день,
Что есть добро и зло?

Зачем растет трава,
Что никнет под косой?
Зачем цветет, жива,
Под солнцем и росой?

...И снова — синева
И жаркий блеск в ответ:
Чтоб новая трава
Могла увидеть свет.

Чтоб дождь на ней блестел,
Как искорка в очах,
Кузнецик свиристел
И лютик не зачах.

Чтоб кто-то здесь прошел,
Весь мир обнять готов,
И под гуденье пчел
Нарвал букет цветов!

1961 год

7 июля

Бывший Витя Баянов. Читали стихи — рукописи начинающих. Витя высказал краткие, но точные замечания. Часто звучала фраза: это уже было, это не ново. Я сделал для себя вывод, что Витя более требователен, чем я. Секрет его удач в поэзии не только в знании, но и в очень строгом подходе к слову. Обо всем решительный он старается говорить по-новому, оригинально.

* * *

Виктору Баянову

Есть у меня поэт любимый,
Не из маститых — молодых.
Ах, как мне мил неповторимый
Настрой стихов его простых!
Чужды красивости и лоску
Они живут. Читаешь их —
И словно смотришь на березку
Среди колосьев золотых.
Иные рифмой щеголяют,
Выводят образов штиль,
А он читателям вверяет
Лишь сокровенное свое.
Он не повысит голос гневно,
Не вдастся в книжный колорит.
А очень тихо, задушевно
О пережитом говорит.
Душой подсказанное слово
Гранит, шлифует не спеша,
И повторить хочу я снова,
Что суть поэзии — душа.

...Вот, симпатичен, ладно скроен,
Сидит он рядом за столом
И, как всегда, застенчив, скромен,
О чем-то думает своем.
Хоть улыбается от шуток,
Но не скрывает, что устал:
В ночную смену он полсуток
На паровозе отстоял.
Вы только чуткость проявите,—
И он тотчас же в мире строк.
— Ну, что есть новенького, Витя?
— Да написал один стишок...
Гляжу на строчки, чуть косые,
Что скромно названы стишком —
И говорит со мной Россия
Добротным русским языком.

1962 год

7 марта

Московский поэт Борис Ковынин, прочитав мою «Лирику», написал, что ему очень понравились мои стихи. Это для меня большая радость, если учесть, что Ковынин — строгий и требовательный ценитель поэзии. Недавно он прислал мне рекомендацию в СП, хотя я даже не звонился об этом.

Пишу мало — скверное настроение из-за постоянных огорчений из-за того, что все против меня. В моем положении другой бы уже давно махнул рукой на поэзию.

23 июня

14 июня состоялось совещание литераторов по поводу радостного события — организации в Кузбассе отделения Союза писателей. Членов СП — как раз столько, сколько нужно для организаций отделения — пять человек: Волошин, Молостнов, Буравлев, Генка Ян и Генке. Секретарем отделения избран Женя Буравлев, самый беспорочный. Волошин исключен из партии, Молостнов бросил семью, Генке и Ян — приезжие. А Женя коммунист, за пленами литературный институт — по мнению обкома партии, самый поданный человек на этот ответственный пост.

2 июля

Из Москвы наконец-то пришло письмо и вместе с ним документы (анкета, заявление, рекомендации). Надо заново готовить документы, и все это передать местному отделению Союза писателей, чтобы оно, приложив свою рекомендацию, отправило мои документы в приемную комиссию Союза писателей.

Невольная задержка — Буравлев уехал в командировку. Времена переменились — когда-то он ходил ко мне на поклон, а теперь — я к нему.

1959 год. Перед началом совещания кузбасских литераторов в Кемерове. Слева направо — прозаики Г. Молостнов, С. Тотыш, поэты А. Козлов, М. Небогатов, И. Сокол.

СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ

Мы подчас как малые ребята:
Ненадежна дружбы нашей нить.
Часто смотрим косо на собрата,
Не умеем труд чужой ценить.

Не шутя отстаиваем право
Первым парнем зваться на селе.
А зачем? Подумаем-ка здраво:
Нас и так не много на земле...

16 сентября

Самое страшное — начинаю терять веру в себя. Впору хоть просить поззию. Мне нечего делать там, где знаменем поззиин современной считается рифма «математики — мальчишки».

Моя неприспособленность к жизни обходится мне боком. Надо, что называется, быть настырым, везде лезть, толкаться среди подонков тебе людей — и тогда будешь преуспевать. А я надеюсь, что трумы мои вывезут меня — и горько заблуждаюсь.

28 сентября

Женя Буравлев сказал мне: «Сейчас покажу тебе твоё стихотворение, которое идет в альманахе». Когда я начал читать отредактированное им стихотворение, все закипело во мне от обиды. У меня была шестистрочная строфа, а теперь сам черт не разберет, что это за форма. Дочитать до конца не мог. Сказал ему, чтоб не печатал, не надо давать это читателю. Говорить я был не в силах. Ушел я, хлопнув дверью. Не мешало бы Жене вспомнить, как бережно реактировал я его «Кладонскателей». Никакой отсебятины, никакого ущемления. А тут...

О САДАХ

Когда какой-то мой собрат
Вдруг начинает заноситься,
Когда лишь свой он видит сад,
Что робко, реденько кустится,
Из-за своих кустов, чудак,
Он сад, цветущий по соседству,
Не хочет рассмотреть никак,—
Одно лишь остается средство:
Задуматься, хотя бы на миг,
С почтением к могучим веходам,
Понять: он — только ученик
Пред настоящим садоводом.

30 сентября

...Было решено принять меня в Союз писателей.

9 октября

Материальное положение крайне тяжелое. Жена временно вынуждена оставить работу. А у меня никаких заработка, одна пенсия (46 рублей). Чем кормить троих детей?

Если выпадет счастье такое —
С человеком хорошим дружить,
Позабудь о беспечном покое,
Будет трудно и радостно жить:
Под дождем ли, под снежной порошкой
Добиваться всей жизнью того,
Чтоб ценил тебя друг твой хороший
Точно так, как ты ценишь его.

— наль, что это за это
лучшее стадо изящных женщин в мире
живет они никем не хотят видеть
старость же обидчики
согласно этого яко это
Блюдо из яиц в яичнице

ТАЙНА

Женщина
Таинственна.
И этим
Хороша...
Сейчас или потом
Всю ее понять,
Когда мы
Встретим,—
Это воду
Черпать решетом...
Вот она стоит
Перед тобою,
Тайна и загадка,
Как всегда.
«Нет»,—
Качает гордо
Головою,
А в глазах
Лукаво светит «Да».

ГЛАЗА

Я люблю глаза с теплом, с улыбкой,
С огоньками звездочек живых,
И когда ресницы тенью зыбкой
Затемнят задумчивостью их.
Вижу в них то вызов, то участие,
То ответ желанный, то вопрос.
Хороши они не только в счастье —
Даже в грусти, даже в блестках слез.
Все они на свете повидали —
Луг в цветах, в крови солдата грудь.
И во мглу, в космические дали,
Удалось им, дерзким, заглянуть.
Не они ли солнце отражают,
И не в них ли неба бирюза?..
Пусть глаза хоть гневом обжигают!
Не люблю холодные глаза.

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Над желтым садом, над рекой
Льет дождик — нудно, беспрестанно.
И вся природа в день такой,
Как взгляд печальный Левитана.

Ржавеют листья и трава.
Но, неподвластные ненастью,
Цветы, неяркие сперва,
Вдруг расцвели, как чье-то счастье.

В аллее мокрой и пустой,
Где тополей шумят вершины,
Пылая, острый запах свой
Нам дарят астры, георгины.

Они задумались, грустят
С промозглым ветром в поединке,
На лепестках у них дрожат,
Как слезы радости дождинки.

1963 год

5 декабря

Вчера получил письмо от Ивана Ветлугина. Сообщает, что три моих стихотворения идут в февральском номере «Сибирских огней». Написал и о «Родных проселках». Главным достоинством сборника он называет задушевность.

РУССКИЙ ПОКЛОН

Случилось то в селе далеком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком —
Искал попутный грузовик.
Был полдень. Время золотое —
Сады в черемушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я —
Здесь неизвестно никому.

И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.
Иду. Старушка мне навстречу:
И вот опять — поклон земной.
Мол, кто б ты ни был, человече,
Живи и здравствуй, мой родной.
И вроде больше стало света,
И зацвели сады пышней
От задушевного привета
Проживших долгий век людей.
Запомнив их простые лица,
Я шел и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обом им обязан был?»
Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой —
Душа российского народа,
Его характер золотой.

1964 год

16 января

Иногда целый месяц нет настроения писать, а то вдруг нахлынут мысли, какая-то окрыленность появится — каждый день рождается стихотворение, а то и два-три.

Сейчас на душе опять пусто. Хочу заставить себя взяться за дело — и ни одного образа. И все-таки заставляю себя работать, работать. В процессе работы идут какие-то внутренние накопления. Сам удивляешься, откуда что берется.

27 января

Был в гостях у Баникова В. В. (директор издательства). У него останавливался приезжавший на совещание А. Е. Пиняев. Сидел он на четвере. Пиняев, видимо, сомневается в своих силах, а зря. И потому в нем талантливого поэта, мастера стиха, и прибдниться ему не следовало бы. Кое-что он прочитал наизусть — здорово сделано, с душой и по-русски крепко.

2 июля

Побывал на родине — в Гурьевске, вдвоем с Витей Баниковым. Трудно передать чувства, которые испытал я, подъезжая к родным местам, видя поля, пересеки, извилистую черту Саланирского края на горизонте. День был хмурый, дождливый, но тем не менее для меня все сияло. Было такое чувство, что еду павестить маму. Радость и грусть сливались воедино.

Вечером в день приезда я повел Витю в переулок, где жил в детстве. Долго стояли у нашего дома. Хоть я и не видел его двадцать лет, сразу же узнал. Много сложных и самых разнообразных чувств навсегда эта встреча с родимым кровом.

* * *

Ни мысли нет, ни чувства нет такого,
Чтоб не сумело выразить их слово.
Но иногда в задумчивой тиши
Молчание — как громкий крик души.

Вот дом. Крыльца.
Окно с поблекшей рамой...
В последний раз я виделся тут с мамой.
Уже моя в сединах голова...
Ах, как мертвы, никчемны все слова!..

* * *

Насильно замуж выдали ее.
Любила не его —
Совсем другого...
На муже вымешала
Зло свое.
Но дети вот —
И нет пути иного...

Прошла их жизнь,
Ничем не веселя...
Стал плох старик,
Отходит. Дышит глухо...
— Я тут тебе сварила киселя,—
Вдруг подобрев,
Промолвила старуха.

— Нет, не хочу...
Кисель ему постыл.
Но помолчал и — тихо:
— Дай немного...
И было ясно: он ее простил.
За все простил
У смертного порога.

СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Будущее светлое счастливое.
Лучшая земная благодать.
Это, как заря над спелой нивою,
До которой — вот, рукой подать.
Потерпите! Много будет светлого —
Обещала жизнь. И шли дела!

Только до обещанного этого
Мама, например, не дожила.
Где же это времечко бесценное?
Я-то думал — впереди оно.
Оказалось, вечно сокровенное —
В давнее, в далекое — окно.
От окна того дорожка тянется
В летнем зное, в снежной белизне.
А кому по ней идти достанется —
Не могу я ведать. Лишь не мне.

С ПОКОСА

Помню: конь трусит устало
По дороге полевой.
Я сижу в телеге старой,
Свесив ноги, как большой.
Едем всех, наверно, позже,
Знать, уехали давно.
Брат подергивает вожжи
И покрикивает: — Н-но! —
Чуть скрипит гужами Карька,
Неторопко семеня.
И болтается дегтярка
Сзади, сбоку от меня.
Теплый вечер вроде пепла
Сыплет сумрак по земле.
Даже звездочка ослепла,
Словно искорка в золе.
Одному бы страшновато,
Но, хотя и дальний путь,
За спиной широкой брата
Мне не боязно ничуть.
Вспоминать не перестану,
Как, тревогам всем пазло,

Я приник, прильнула к братану,
Чую пот его, тепло.

Вот опять он дернул локтем:
— Н-но! —

Густеет сумрак-дым.
Горковато пахнет дегтем,
Сладко — сеном молодым.

МАМИНЫ СЛОВА

Хворала мама... Хуже с каждым днем.
Что делать — мы не ведали с сестрою.
Был врач уже не раз. Да толку в нем.
— От старости. Бессилен я, не скрою...
Порой впадала в бред она, во мглу.
В сознанье обрывались, видно, нити.
Пугались слов ее: — Кто там в углу?
Какой лохматый... черный... Прогоните!
Мы видели — совсем плохи дела.
Вновь вызов. Ожиданье... Слава богу:
Машина «скорой помощи» пришла!
Врач молодой проследовал к порогу.
— Как чувствуем себя? — его вопрос.
Тряс градусник. Потом дал волю шприцу...
— Ну, что тут скажешь. Атеросклероз.
Хотите, я возьму ее в больницу.
Не обещаю, правда, ничего,
Но все же, все же... — Грустно многоточье.
— Возьмите! — оба просим мы его.—
Мы сами-то не сможем же помочь ей...
Несем носилки с мамой, семяня.
А мама вдруг, простынкою одета:
— Вы что ж вперед ногами-то меня?
Ох, глупые... Плохая же примета!

Не зная никаких таких примет,
Не поняли, чем мама недовольна...
А вот теперь, спустя немало лет,
И вспоминать об этом стыдно, больно.
Как часто ночью, даже среди дня
Я слышу — нету горше слов на свете:
«Вы что ж вперед ногами-то меня?»
Тогда ведь так и вышло — по примете...
Хоть нет вины, виним себя всерьез.
Кручинимся... Случись такое ныне —
С кровати и на улицу к машине
Я на руках бы маму перенес.

16 июля

Еще двух литераторов приняли в члены Союза писателей — прозаиков Анатолия Соболева (А. Сибиряк) и Гария Немченко. Теперь у нас в отделении СП одиннадцать профессиональных писателей.

21 сентября

Уже около месяца я исполняю обязанности ответственного секретаря отделения СП. Женя Буравлев уехал отдыхать в Коктебель. Нелегкая эта работа. Уже состоялся неприятный разговор в горкоме и даже в обкоме партии из-за того, что Володя Измайлов отказался написать приветствие пионеров. Написать не просят, а призывают.

ПРИСНИЛОСЬ МНЕ...

Приснилось мне, что я — актер.
Играю жалкого плебея.
Внушает мне мой режиссер,
Что не хозяин сам себе я.
Как ни шагну, что ни скажу —
Ворчит, брюзжит: не так, не этак.
Когда ж ему я уложу
В числе других марионеток?
Нет, зря я, зря согласье дал
Быть в этой роли, быть артистом.
Уж лучше б весь спектакль молчал,
Уж лучше был бы я статистом.
А так придирики каждый миг:
— Опять вы глупость напороли!
Я тоже крою напрямик:
— Как быть мне умным в глупой роли?
Да будь он гений, режиссер,
Невмоготу мне эти встриски.
Он тоже часто мелет вздор,
И он же делает подсказки!
Жить с кем угодно в унисон,
Но лишь не с ним. Я скоро взвою!
О страшный сон, о жуткий сон —
Играть, не быть самим собою!

1966 год

14 февраля

Ходил в издательство — к Игорю Киселеву. Отнес около двух десятков новых стихов. Киселев читал вслух их... Стихи очень понравились... Особенно «Зори весен со мною», которые Киселев хочет вынуждать напечатать.

* * *

Зори весен со мною,
Просыпаюсь — смотрю.
А какой-то весною
Не встречать мне зарю.

Славлю пору расцвета.
Солнце жаркого дня.
А какое-то лето
Расцветет без меня.

Славлю осени проснин,
Желтизну на лугу.
А какую-то осень
Я воспеть не смогу.

Славлю звонкий зазимок,
Белизны благодать.
А когда-то снежинок
Не смогу увидать.

Грустно думать об этом,
В край ночной, далеко
И зимою, и летом
Уходить нелегко...

8 марта

2 марта я должен был участвовать в телерепортаже из Дома художника, но случилось непредвиденное, возмутительное. Выступали художники Кирчанов, Красова, затем З. Н. Естамойова, ведущая передачу, сказала: «У нас в гостях Михаил Александрович» и передачу вырубили!

Оказывается, до этого выступал секретарь обкома по сельскому хозяйству, время просрочил, и дежуривший на телестудии режиссер на полуслове счел возможным прервать репортаж. Поступок беспардонный. Зоя Николаевна даже заплакала. Секретаря обкома, произносившего вместо питомник «питовник», а вместо центнер «центер», остановить не могли, а вот с художником и поэтом не посчитались.

* * *

— Хорошо, наверно, быть поэтом,—
Говорила дочка лесника.
А сама задумчиво при этом
Провожала взглядом облака.
Только стихло грома грохотанье,
И, спеша куда-то на восток,
Облака меняли очертанья —
Подгоняя их свежий ветерок.
Было хорошо не беспрчинно
Слышать рядом голос молодой...
— Посмотрите, целая картина:
Дом, река, деревья над водой.
Вот мигнула звездочка над лесом,
Месяц вышел — глаз не отвести...
Медом пахнет клевер под навесом.
Как все интересно!
А в пути!..
На коне верхом, бывает, еду.
Все деревья, кажется, родня.

68

То шумят — ведут со мной беседу,
То молчат — сердиты на меня.
Вы гостить к нам ездите все летом,
И зимой бы надо побывать...
Хорошо, наверно, быть поэтом,—
Повторила девушка опять.
Что она под этим разумеет —
Я не знаю. Но сомненья нет:
Так природу чувствовать умеет
Только тот, кто сам в душе поэт.

* * *

Золотой лучистый колос —
Солнце сникло за тайгой.
В этот миг раздался голос,
Женский голос над рекой.

День хороший провожая
И приветствуя закат,
Песня русская простая
Полилась с рекою в лад.

И трава в тени прибрежной
Зашумела враз сильней.
И хвоинок шелест нежный
Стал вдруг явственней, слышней,

И с волнением возле брода
Долго слушал я тогда,
Как поет сама природа:
Лес,
камыш,
закат,
вода...

69

1965 год

— пишу о Толстом
жизни и творчестве
литературе
литературе
литературе

28 ноября

В эти дни с утра до позднего вечера тружусь над консультациями (часов по 12—13). Накопилось писем почти сто штук. Устав крепко, но эта работа не в тягость мне. Иметь дело со всем, что касается поэзии, для меня удовольствие. Правда, поэзии (настоящей) в этих письмах почти нет, но подобие стихов встречается. Главное в этой работе — мои раздумья о поэзии. Хочется писать стихи самому, но пока некогда. Предстоит ответить еще на два десятка рукописей.

— заслон для чистки потолка
* * *
Вот идет сквозь потолок

Привыкаем за жизнь ко всему —
К зорьке утренней,
К зорьке закатной.
Но никак не могу к одному
Я привыкнуть —
К странице печатной.

Всякий раз, как подарок, беру
Лист газетный,
Журнал, альманах ли,
Где слова, что вверял я перу
Типографскою краской пропахли.

1967 год

21 февраля

Возвращался с Барваса. На Курганке в нашем вагоне поместились шумная хмельная компания. Играли на гармошке, пели, плясали. Как талантлив русский народ. Я уверен, что ни один профессиональный поэт не сочинит частушку, равную по яркости народной.

Ах, юбка моя,
Юбка тюлевая!
По морозу босиком
Затюторивала.

12 апреля

Целый день просидел над ответами на личные листья. Дочитал огромный том Шкловского «Лев Толстой». Вся жизнь великого человека прошла передо мной во всех подробностях. Мозг его ни минуты не дремал, и лень Толстому не была присуща — он писал день и ночь. Гений — это великий ум и великий труд.

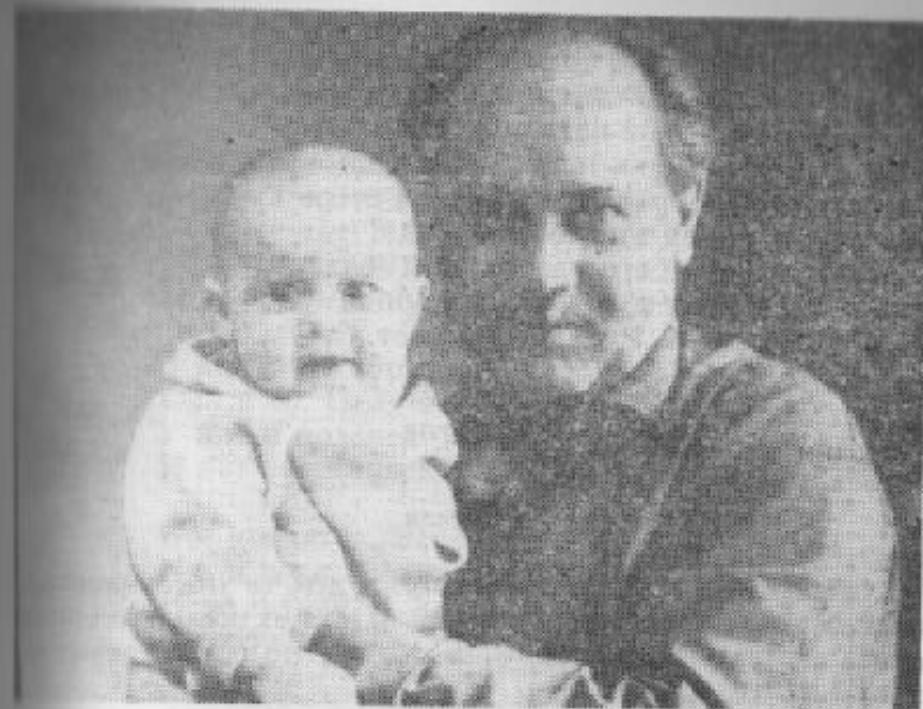
КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК

Из далекой из Ясной Поляны
Вместе с грустью задумчивых строк
Получил я от друга нежданно
Золотистый кленовый листок.
Угловат, невесом и нярок,
Отзвенел на ветру и увял...
Но как дорог мне этот подарок
Как он сильно меня взволновал!
С юных лет представлял я Толстого
Мудрецом, величайшим творцом.

Для меня он был вроде святого
 С бородатым и строгим лицом.
 А сегодня живого живее
 Я увидел властителя дум
 Просто старцем на летней аллее,
 Где и солнце, и лиственный шум.
 Одиноких раздумий любитель,
 Он гуляет. Вблизи никого.
 И зеленая эта обитель —
 Не музей, а усадьба его.
 Вот присел на скамейку под кленом
 В светлом мире деревьев и пчел,
 Вскинул брови и взглядом влюбленным
 Все вокруг, как хозяин, обвел.
 ...Скрылось солнце.
 При ламповом свете
 Он опять за столом, над строкой.
 И не просто старик в кабинете,
 А бессмертный художник Толстой!

ПОЕТ РУСЛanova

Нынче в моде песенки пустые.
 Создают их — с места и в карьер.
 И даешься диву: где ж Россия?
 Все — модерн на западный манер.
 Думаешь с тоской о днях вчерашних...
 Но бывает, что и повезет,—
 Радио включив, зовешь домашних:
 — Лидия Русланова поет!
 Это тот не частый в жизни случай,
 Тот волшебный миг, что с тайной схож —
 Как ни бейся, как себя ни мучай,
 В чем секрет таланта, не поймешь.

1972 год. С внуком Мишой.

Просто это пенье всех бесценней,
 Просто после бряканья гитар,
 После безголосых исполнений
 Счастье слышать голос — божий дар.
 Кажется: весной окно пропертли!
 Кажется: певица в двух шагах!
 Слушаешь ее — аж спазмы в горле,
 От восторга слезы на глазах...
 Расцветает липа вековая
 Над рекой, текущей тихо вдаль,

И, печаль на сердце навевая,
Шелестит о том, кого ей жаль...
Эта же печаль во вновь пропетом,
Хоть оно и вовсе о другом —
Как ямщик прощался с белым светом
В том kraю, где степь да степь кругом...
А какая в голосе свобода!
А какой его раздольный взлет!
Русская душа, душа народа
Голосом Руслановой поет.

1968 год

16 апреля

Вчера звонил А. Е. Пицаев. Четвертый день он уже... пенсионер. Ох, как летит время! Скупой на похвалы, о моих последних стихах сказал он, что заметна в них зрелость. Мне его оценка дорога — он человек большой культуры.

27 мая

Умер Толя Саулов, талантливый поэт, хороший человек. Очень жаль парня. Его кончина сильно подействовала на меня, причем странным образом: никакая еще смерть не оставляла у меня такого впечатления непрочности, бесцельности и ненужности всего, чем живем мы, люди...

ДОБРОЙ НОЧИ

Открыл окно ночное — покурить.
Перед окном стена другого дома.
Не все там свет успели погасить.
И все там незнакомо и знакомо.

В квадрате света — мальчик за столом.
Готовит, видно, школьные уроки.
Наверно, долго бегал перед сном,
У поздней ночи урывает сроки.

В другом квадрате — женщина белье
Развешивает в кухне на веревке,
Устала, но движения ее
Полны обычной ловкости, сноровки.

В квадрате третьем — двое у окна,
Она и он. Целуются при свете...
У них и поздней осенью весна,
И нет счастливей их в минуты эти...

Все кончится. Все порастет быльем.
Ну, а пока спокойной, доброй ночи
И мальчику, и женщине с бельем,
И любящим, что смотрят очи в очи!

1969 год

31 января

Подводя итоги своей работы, заметил, что добрый десяток книг прорецензирован мною в течение 12—15 лет, среди них книги В. Баланова, Е. Буравлева, И. Киселева, А. Пипаева, И. Сокола, И. Зыкова, Г. Юрова, С. Рыбака, В. Измайлова, А. Саурова, нескольких москвичей — С. Смирнова, Межирова, Анциферова. Написал очень много стихотворных обзоров, заметок.

ДОМ В РОЩЕ

В белой роще — новый дом.
Золотой, сосновый.
Выше — неба окоем
Темно-бирюзовый.

Струйка дыма над трубой.
На ограде — крынка.
Тишина. Уют лесной.
Меж стволов тропинка.

Чей же этот мирный дом,
Крепко в землю вросший?
Поселился, видно, в нем
Человек хороший.

Так и ждешь, что на крыльце
Выйдет вдруг молодка,
Повернет к тебе лицо,
Улыбнется кротко.

— Заходите,— позовет,—
Отдохните малость...
И как будто унесет
Всю твою усталость.

Коль недобрая душа
Здесь живет — досадно:
Больно роща хороша,
Празднична, нарядна.

1972 год

22 сентября

Сегодня радостный день у меня. Позвонила Л. В. Глебова, пригласила в издательство, чтобы взять авторские экземпляры только что вышедшего в свет сборника «Спасибо сентябрю». Дома просмотрел сборник. В краткой аннотации сказано, что работаю в поэзии более 25 лет.

11 ноября

Проснулся в пять часов. Поднялся, выпил кофе... и за час написал сонет. Сонеты даже снятся во сне. Всю ночь сочинял что-то. Вот так настроен мозг на одну волну.

Случайно в мемуарах генерала
Прочел и вздрогнул: «Зайцева гора»!
Ведь наша часть ее атаковала...
Все вспомнил я. Все было, как вчера...

Поляну мокрым снегом укрывало.
А там, в селе, на взгорье, немчура.
Бил пулемет. Свинцом нас поливало.
Бежали и кричали мы: — Ура-а!

Стучало сердце. Гром его ударов —
В висках. И вдруг — все тело обожгло.
Померк вдали багровый дым пожаров.
День снегопадом черным замело...

Я лишь теперь узнал из мемуаров:
Под вечер наши заняли село!

УРОКИ ВОИНЫ

Война не только гнула круто,
Но и учила честно жить,
Учила каждую минутой,
Секундой каждой дорожить.

В любом — большом и малом — деле
Все исполнять учила в срок,
Хотя уж силы на пределе,
Хотя усталость валит с ног...

Пусть по земле родимой, русской
Война не ходит никогда.
Но жить нам — с полною нагрузкой
И в будни мирного труда.

Ценить, как тот глоток из фляжки,
Судьбой отпущенный нам срок,
И не давать себе поблажки,
Не говорить: — Устал, не смог...

1973 год

4 октября

Пишется так, как в лучшие дни работы над книгой сонетов, с вдохновением. Сегодня написал еще четыре стихотворения. Это не гладкопись, а настоящее творчество.

10 октября

Вот что обнаружил я в себе за последние дни: устаю от работы. Большая психическая нагрузка, все делается на нервах.

30 октября

Очень понравился мне принцип В. Шкловского, который говорит так: «Писать надо легко, внезапно, быстро и подготовленно». Именно так часто пишу я, и, как правило, так-то выходит всего лучше. И еще одна мысль Шкловского очень верна: «Искусство требует устойчивой смелости». Лучшие мои стихи те, которые написаны смело, раскованно, без оглядки на кого-либо. Так стараюсь я писать и сейчас, работая над книгой «Люблю».

26-го погиб в дорожной катастрофе междуреченский прозаик Виктор Чугунов. Молодой, веселый, жизнерадостный, само воплощение силы и здоровья.

* * *

Звонким полозом кошевки
Напевает санный путь.
Лошадиные подковки
Забросали снегом грудь.

Хорошо в родных просторах!
Вечер. Поле. Тишина.
Убаюкал снежный шорох,
Укачала белизна.

Никакой вблизи приметы.
Поглядишь вперед, назад —
Лишь деревьев силуэты
Над сугробами скользят.

Долго тянется проселок.
Нету края дали той,
Где небес туманный полог
Слился с белою землей...

Может статься, чей-то голос
Прозвучит за мной вслед:
«Про какой он пишет полоз
В век космических ракет?»

Ничего я не отвечу,
Славя русскую зиму.
Вон огни бегут навстречу,
Прямо к сердцу моему.

СЧАСТЛИВАЯ

Ее нельзя назвать
Красивой,
Но так и светится
Она.
И чувствует себя
Счастливой —
Все оттого,
Что влюблена.

Иная
Слезы льет
В подушку,
А ей легко:
Есть в мире тот,
Кто лишь ее,
Для всех дуриушку,
Свою милою зовет.

ВСТРЕЧА

Где машин монотонные звуки
И в витринах от солнца огни,
Через многие годы разлуки
Повстречались случайно они.
— Здравствуй! — Здравствуй!
И радость плеснулась,
Засветилась в глазах огоньком.
Что-то давнее в сердце проснулось,
Позабыли, что люди кругом.
Нет, никто бы не мог помешать им,
Только каждый вдруг вспомнил семью
И лишь долгим и теплым пожатьем
Тихо выразил нежность свою.
— Как живешь?
— Да уж, видишь, седая...
Помаленьку живу, ничего.
«Для меня ты всегда молодая!» —
Прочитала во взгляде его.
И тотчас же ответила взглядом:
«Помню, помню, далекие дни!...»
Словно парень и девушка, рядом
Как-то робко стояли они.
Их толкали, и птицы галдели,
И визжали вблизи тормоза.

А они все стояли, глядели,
Все глядели друг другу в глаза.
И была эта радость печальной,
Потому что, душою сродни,
Благодарные встрече случайной
Вновь надолго прощались они.

1974 год

5 марта

Принесли долгожданный номер «Огонька». С замиранием сердца начал листать и вскоре на левой стороне страницы увидел свой портрет над колонкой стихов. Рад необычайно. Многие поздравляли с публикацией.

16 июля

Сборник «Люблю» снова отклонили в издательстве. Расстроено страшно. До такой степени, что стало болеть сердце. Вместе с издательским документом вручили рецензию Абрамовича, причем с поддельной подписью. Когда я спросил, что это значит, мне объяснили невразумительно. Вопиющая бесцеремонность.

Я предложил, чтобы рукопись прорецензировал К. Лисовский. Вечером позвонил в Новосибирск Казе. Он оказался дома. Вкратце изложил ему суть дела, попросил посмотреть сборник. Казя согласился, только сказал, что через три дня уезжает в Польшу, рецензию сможет написать только к концу августа. Разговор был теплый, дружеский. Человек он прямой, в вопросах литературы принципиальный, поэтому я и попросил его оценить все объективно. «Конечно, объективно», — ответил он.

17 июля

Надо душевно избавиться от тяжелых эмоций, которые могут довести до инфаркта. Здоровье мое из-за всех этих переживаний сильно пошатнулось — часто по ночам, особенно к утру, сердце скрипит слизмы. Может быть, придется лечь в больницу.

13 августа

Вчера были с Витей Баяновым в больнице у Жени Буравлевы. Он спал. Медсестра разбудила его. Женя протянул руку (левую), поздоровался с нами, не сказав ни слова, и тут же закрыл глаза, уснул. Разва два, пока мы сидели возле него, приоткрывал глаза, по выражению их трудно было понять, узнал ли он нас. Тихо вышли из палаты. Из разговора с медсестрой узнали, что у него все в метастазах. Левая сторона тела парализована.

2 сентября

Заходил к Жене. Ему все хуже. Дышит с клокотаньем. Начал худеть. Голос слабый, речь замедленная. Взгляд какой-то отрешенный.

9 сентября

4-го утром позвонил Витя Баянов.

— Слышал уже?

— Что?

— Женя умер.

Я записал:

Продолжает жизнь
Свое движенье,
И стихами, стопкой добрых книг
Ты сумел, наш незабвенный Женя,
Отобрать у вечности свой мир.

28 ноября

От смерти Шукшина не могу опомниться до сих пор. После ухода из жизни Исааковского, Твардовского смерть Шукшина — самая огромная потеря для России. Я даже выше Твардовского его ставлю — по той самобытности, которую он проявил буквально во всем, что успел оставить в литературе и в кино. В самой малой мелочи он оставался самим собой. В этом его исключительность.

МНОГО ИХ

Много их, кто не дошел до цели,
Не доделал стих, не кончил спор.
Этих уложили на дуэли
Беспощадно и почти в упор!
На того накинулась чахотка,
Унесла во тьму из милых мест.
А на этом ржавая решетка
Навсегда поставила свой крест.
Ну, а тот, казавшийся счастливым,
Больше всех которого люблю,
Оглушен отчаяньем порывом,
Приготовил сам себе петлю...
Пусть не все, о чем они мечтали,
Удалось им сделать на земле.
Но и то, что люди эти дали,—
Словно луч, сияющий во мгле.
А насколько были б мы богаче,
Как вокруг убавилось бы зла,
Если бы случилось все иначе—
Если б жизнь их долгою была!..
К бронзовым фигурам одиноким
Мы цветы приносим. И грустим.
Принести бы их в иные сроки,
Подарить не мертвым, а живым!

84

1975 год

12 января

Позаперед наконец-то отвел душу — написал стихотворение о Шукшине. В этот же день выступал в Доме культуры «Заря». Выступление начал с этого стихотворения. Под конец встала какая-то девушка и от имени своих подруг сказала: «Нам очень понравилось стихотворение о Шукшине, прочтите, пожалуйста, еще раз и расскажите, были ли вы знакомы с Шукшиным». Я охотно прочитал стихотворение еще раз, рассказал о письме Шукшина ко мне, вообще поговорили о нем.

Да кстати, Мария Илларионовна Твардовская прислала мне новую книгу Александра Трифоновича «Проза. Статьи. Письма» со своей надписью «Михаилу Александровичу Небогатову — с благодарностью за помощь и добрыми пожеланиями. М. И. Твардовская. Октябрь 1975 года». (По просьбе М. И. Твардовской М. А. Небогатов подготовил воспоминания о репрессированном поэте И. Е. Ерошине, с которым виделся в Кемерове, и материалы, касающиеся своей переписки с А. Т. Твардовским.— Ред.).

В этой книге есть и два письма Александра Трифоновича ко мне — от 25 сентября 1958 г. и от 19 августа 1960 г.

Читая письма А. Т. Твардовского к другим авторам, видишь, как он был подчас резок, крут в суждениях, но в общем-то всегда прав.

17 сентября

В воскресенье ездили на кладбище — к маме. День был по-осеннему на редкость хороший. Зашли к Жене Буравлеву. Женина могила сиротливей всех. В Кузбассе нет и двух десятков писателей, а один из них похоронен беднее всех прочих смертных.

85

НА КЛАДБИЩЕ

...Где просто столбик,
Где плита в ограде.
Трава сухая.
Небо в полумгле...
Со снимков
Смотрят люди.
В каждом взгляде —
Один вопрос:
— Ну, как там,
На земле?..

22 сентября

...Если сумею остаться в стихах самим собой, то можно отбросить всякие сомнения насчет полезности того, что выходит из-под пера. Следует все время держать в уме слова Твардовского:

Что нужно, чтобы жить с умом?
Понять свою планиду:
Найти себя в себе самом
И не терять из виду.
И, труд свой пристально любя,—
Он всех основ основа,—
Сурово спрашивать с себя,
С других не столь сурово.

1978 год

29 мая

Вчера вечером, когда я уже был в постели, позвонил В. Мазаев, сообщил печальную весть: умер Саша Волошин.

17 июня

...Урожайный у меня сегодня рабочий день — позов стихище кое. На деле убеждаюсь в правоте извечной истин: не следует искать вдохновения, оно приходит за работой.

* * *

Пропахший травами и хвоей,
Порою мокрый от дождя,
Делюсь я радостью с женой,
Под вечер из лесу прия.
— Ну, поздравляй меня с удачей.
Хороший выдался денек.
Я нынче справился с задачей,
Гляди-ка, сколько сделал строк!
С натуры все. Пока — наброски.
Так, разговор с самим собой.
Но штрих живой, пускай неброский,
Дороже выдумки любой.
Что видел, слышал — пригодится:
И всплески рыбы на реке,
И в лодке — в стареньком корытце —
Мальчишка с удочкой в руке,
И перекличка конских ботал,
И взлет тяжелый глухаря...
Неплохо, в общем, поработал,
Считай, что день прошел не зря.
— Ишь, поработал! —
Вижу, теща
Сейчас подпустит мне ежа.
Работать так куда, мол, проще,
На пень тетрадку положа.
Ну, так и есть...
— Нашел работу!

Сидеть на солнце, спину жечь.
Добро бы жердь прибил к заплоту,
Сметал бы стог, сложил бы печь.
А то — стихи. Да неужели
За это деньги платят вам?
Вот чудаки. Совсем сдурали,
Привыкли к разным пустякам...
Наутро тихо, без баухальства,
Беру я гвозди, молоток
И — где по шляпкам, где по пальцам —
Такой там поднял стукоток!
...Готова новая ограда.
Светла, как летняя заря.
И сам я рад, и теща рада.
Смеется: — День прошел не зря.
И хоть заноза на занозе,
Доволен я, как ученик...
Нет в жизни места скучной прозе,
Вся жизнь — поэзии родник!

1979 год

23 июня

Сегодня у меня рекордное количество написанных стихотворений — девять.

* * *

Работой радостной полна
Душа: я для печурки,
Вздымаю тяжесть колуна,
Раскальзываю чурки.

88

Удар — и чурка пополам!
К земле прижалась боком.
И, словно соты новых рам,
Медовым пахнет соком.

Растет поленница, растет...
Зимой не знать заботы —
Дыханье лета в дом войдет
Тепло моей работы.

1981 год

1 августа

...Большая радость: вчера в продаже появилась моя книжка «Лето». Томик получился небольшой: 124 страницы, но оформлен он хорошо, как подарочный, сувенирный. Даже опечатки не портят общего отличного впечатления.

ЛУГ ЗАЛИВНОЙ

Луг заливной все шире и зеркальней.
Метелей, стуж разорван долгий плен.
Разлив дошел до рощицы недальней
И затопил березки до колен.
Купальщицами с радостным испугом
Стоят березки и чего-то ждут.
А над водою, над блестящим лугом
Сияет солнце, облака плывут.
И синь, и свет, и ветерок игривый,
И белизну стволов, и веток вязь —
Все отражает четко гладь разлива,
Все в нем живет, так празднично светясь.

7 М. Небогатов

89

Как будто для того и в самом деле
Здесь появилось зеркало воды,
Чтоб роща, небо увидать сумели
Лицо своей весенней красоты.

* * *

Вижу с поля, где роса еще, покой,
Как над берегом таежным, за рекой
Свет широко разливается, растет —
Это небо цветом маковым цветет.
Так цветет оно, что облаку слегка
Подумянило, как яблоку, бока,
Золотит электролиний провода,
Ускользающих неведомо куда.
От зубчатого штакетника тайги
Тень легла и затемнила полреки.
Тень синеет молчаливою водой,
Лес синеет — синева над синевой.
Только небо все светлее, все алей,
Только в поле все теплее, веселей.
От мать-мачехи, куда ни кинешь взгляд,
Все желтым-желто, как будто от цыплят.
Вот и солнечный петух, задорен, смел,
На штакетник на лесной легко взлетел.
Так и кажется: недаром этот взлет,
Вот сейчас петух побудку запоет.
Запоет он над тайгою, над рекой,
Над землею, изумительной такой,
И никто не удивится в этот миг,
Сыла солнца торжествующего крик!

ягоды

Тени. Солнца блики.
На цветке — пчела...
Радостные вскрики:
— Вот еще! Нашла!..

С корня земляничка —
Не в пыли с лотка.
Капля-невеличка,
А уж как сладка!

В туеске б оставить —
Там не скрыло дна,
Да во рту растаять
Просится она...

1983 год

6 февраля

С утренней почтой принесли мне бандероль из издательства «Современник» — рукопись моего сборника. В бандероли письмо с двумя рецензиями. Есть замечания, но и немало хороших слов: «...Автор чуток к образному слову, ему внятны классические традиции Бунина, Твардовского. Наконец, редко кто так умеет писать стихи о любви к женщине, как Небогатов. Очень индивидуален он в этой теме. Любовь — как тревога за жизнь близкого человека, вот что в центре внимания Небогатова».

1984 год

18 марта

Вчера отлично поработал — с утра до позднего вечера сидел за машинкой, напечатал 18 консультаций. Некоторые авторы, присыпая стихи в «Кузбасс», обращаются в письмах прямо ко мне. Кемеровчанин Олег Потин посвятил мне такое четверостишие:

Я не раздариваю лесть,
Не засылаю к старшим сватов.
Но знаю: в Кемерове есть
Отец поэтов — Небогатов.

А Виктор Дмитриевич Южиков пишет (тоже кемеровчанин): «...Зная Ваш возраст, поражаюсь — как вам удается такая мягкая и нежная лирика!»

* * *

О чём-то мне подумалось когда-то,
И, если мысль заветною была,
Она со мной до самого заката
Останется, по-прежнему светла.
Среди других привычной и желанной
Всю жизнь она идет со мной вперед.
Хоть, может, интерес свой первозданный
Давно уж потеряла. А живет...
Иное — чувства. Чаще их утрата.
Не все из них проносим сквозь года.
Всю душу всколыхнувшие когда-то,
Сегодня вдруг исчезли без следа.
Пускай ты весь изводишься от жажды
Вчерашних бурь, волнений и тревог,
Но чувства, пережитые однажды,
Не знают к нам из прошлого дорог.

92

Еще вчера, и горячи, и колки,
Они тебя тревожили всего,
А нынче — как холодные осколки,
Что вынуты из сердца твоего...

1985 год

27 апреля

Вчера из Москвы прислали рукопись из «Современника». Много хорошего в мой адрес сказано рецензентом, смоленским поэтом Юрием Пащковым «титул» которого под рецензией такой: «член редакционного Совета издательства «Современник», член Союза писателей РСФСР». Приведу лишь начало и вывод. Начато так: «Русская поэзия куда богаче нашего представления о ней. Эту расхожую нетину я вспомнил, читая рукопись кемеровского поэта Михаила Александровича Небогатова.»

Вывод Ю. Пащкова о рукописи: «В Кемерове живет хороший русский поэт Михаил Александрович Небогатов... Надо познакомить всероссийского читателя с лирикой одаренного автора...»

93

1986 год

11 июля

Сейчас звонил из «Нашего современника» Александр Тихонович Волобуев (я уже узнаю его по голосу):

— Звоню Вам, чтобы порадовать вас. Стихи ваши Сергею Васильевичу Викулову понравились. Он отобрал одиннадцать стихотворений. Только что у нас закончился редсовет, и Сергей Васильевич, говоря о вас, прочитал всем несколько стихотворений. У меня к вам просьба: придумайте несколько вариантов общего заголовка для новой подборки.

14 декабря

Из Москвы телеграмма: «Приглашаем приехать в редакцию журнала «Наш современник» на совещание авторского актива 17—18 декабря. Викулов».

Я ответил, что, к сожалению, приехать по незддоровью не могу. Вот так.

1987 год

7 января

В полдень пришел к нам незнакомый мужчина средних лет. Не представляясь, сразу с порога заявил:

— Вот вам письмо от любителя вашей поэзии.

И вручил мне конверт, адресованный мне, с надписью «Лично».

Я, говорят, инервился страху, прежде чем прийти к вам. Но по стихам вашим знаю, что вы доброжелательный человек, и примете меня. У вас есть стихотворение о простоте, вот я и подумал, что вы тоже простой человек... Рад повидать вас. Вот вы какой...

В его словах, в обращении было столько искренности, что усомниться в его добрых чувствах было нельзя. А в конверте оказа-

лось письмо и посвященное мне стихотворение — восхищенное признание в любви и уважении. Автор подписался так: «Урсилов Михаил Григорьевич и моя жена Мария Ивановна». Дальше адрес: село Березово.

* * *

С увлечением книжку дочитал,
Переполнен свежим, светлым чувством.
И еще, наверно, с час листал,
Наслаждаясь истинным искусством.
Все, что было в сердце, на уме,
В миг, когда закрыл я книгу эту,
Захотелось выразить в письме,
Благодарность высказать поэту.
То-то будет радостно ему
Получить восторженное мненье!..
Но, скользя глазами по письму,
Я в душе почувствовал сомненье.
Нет, пожалуй, незачем мне лестить
Со своим горячим излияньем.
Вдруг порыв мой примет он за лесть,
Гордый, избалованный вниманьем.
Может, в этом отклике простом
Что-нибудь не так совсем сказалось.
Долго размышлял я над письмом
И письмо... непосланым осталось.
...Ах, как часто, искренность любя,
Избегая слов и дел фальшивых,
Мы привыкли сдерживать себя
В самых добрых чувствах и порывах!
Перед кем-то, очень дорогим,
Запираемся душою чуткой,
Обходясь молчанием глухим
Или просто грубоватой шуткой.

Если б знал ты, доброе тая,
Проходя с застенчивостью мимо,
Что как раз признательность твоя
Человеку так необходима!..

30 января

Как говорил Саша Волошин, после шестидесяти каждый день — божий дар. И в этом возрасте цель жизни, воля к ней почти в одном — в радости творческой работы. Именно этим и живу и дышу и сейчас. По установленному для себя правилу — с утра за письменным столом. За три дня ответил на 21 рукопись.

НАДО СПЕШИТЬ...

Было —
Вся жизнь впереди,
Вышло —
Немного осталось.
Ну-ка, теперь
Погляди:
Даже утрами
Усталость...
Как на подъем
Ни тяжел,
Труд еще —
Радость, отрада...
Было —
Вразвалочку шел,
Вижу —
Спешить уже надо...

15 июня

Сегодня в филармонии будет отмечаться 25-летие Кемеровской писательской организации. Звонил Г. Юров. Я сказал, что по самочувствию никаку не гожусь.

— Вам Союз писателей СССР прислая грамоту.
— Я как-нибудь зайду к вам за ней.

О СУЕВЕРЬЕ

Ироническое

Позвонил приятелю: — Привет!
Как здоровье? — Да неважно что-то.
А твое? — Хвалиться нечем, нет.
Слабость от чего-то и ломота...
Даже в настроение неплохом
Избегаем хвастаться здоровьем,
Говорим мыдержанно о нем,
Чтоб не сглазить бодрым суесловьем.
В жизни так вот часто — от тепла
Резкий переход к нежданной стуже.
Скажешь: «Хорошо идут дела»,
Смотришь, все пошло — куда уж хуже...
Вновь беседа через день-другой.
— Рад, как говорят, по старой дружбе
Я тебя поздравить, дорогой!
— С чем? — А с повышением на службе.
— Ну, какая это благодать.
Поздно, брат, гордиться этим делом.
Скоро вот проводят отдыхать.
— Ну так что же. Все же зав. отделом!
Ты теперь из кресла не вылезь.
Действуй! Будет пенсия солидная.
— Что о том загадывать... Не сглазь... —
Суеверье крепко в нем, как видно.

Пусть непросто с этим чувством жить,
Только не расстаться с ним, наверно.
Разумом все разом не решить,
Оттого душа и суеверна.
Так ли, нет, одно учесть прошу —
Душу изменить не в нашей власти...
Если вам по праву, что пишу,
С похвалой помедлите. Не сглазьте.

* * *

Всему и всем на свете свой черед...
Когда гремел по полю взрыв за взрывом,
В атаку поднимались мы с призывом:
— За Родину, за Сталина,
Вперед!

И тот призыв с Победой, с жизнью слит...
Теперь, когда за далью канонада,
Его переиначивать не надо.
Так нам сама История велит.

ГОСТИ ИЗ КОСМОСА

Видим в небе не безделку —
Неопознанный предмет,
То похожий на тарелку,
То на блещущий берет.
Властно взоры наши тянет —
Ничего не упустить...
Это инопланетяне
К нам повадились гостить.
Вон их тени великаны
На поляне вдалеке
В серебристом одеянье,
Как обычно, налегке.

Никакой в них нету злобы,
Если б зло их принесло,
То давно уже, давно бы
Сотворили это зло.
Прилетят, понаблюдают,
Что-то тайное тая,
И, как облачко, растают,
Устремясь в свои края.
Может, хочет гость бывалый,
Чтобы в людях родилась
Не с одной Землею малой,
А со всей Вселенной связь?..

* * *

Странная натура у меня:
То, что происходит в настоящем,
Вижу, как из будущего дня,—
Где-то там, в былом уже стоящим.
Сын приехал. Миг неповторим.
Обнимаю ласково за плечи.
За столом сидим и говорим,
Бесконечно радуемся встрече.
Все стараюсь в памяти сберечь:
Голос, взгляд, натруженные руки...
Сам себе часы счастливых встреч
Отравляю мыслю о разлуке.
Знаю: все останется в былом,
Знаю, что на будущей неделе
Вспомню, как сидели за столом,
Как в глаза
Друг другу мы глядели.
Как вертелась ложечка, звения,
Плыл дымок и вспыхивала спичка...
Странная привычка у меня.
Очень даже горькая привычка.

* * *

Представил, что меня
Уж нет на свете,
Что травка лишь
Колышется, шурша,
Но кто-то где-то
Слышит строчки эти —
И в нем живет, живет
Моя душа.

* * *

От мороза сторожка ёжится,
Лес белеет, к себе маня.
Как вам нынче живется-можется?
Не скучаете без меня?

Одиноко вам тут, за городом.
В поле снежная тишина.
Лес пронизан зарей и холодом,
И сторожка едва видна.

Все кусты и пеньки под шапками.
Под богатыми — из мехов!
Снег пушистый узоря лапками,
Зайка прыгает меж кустов.

Гаснет зорьки полоска узкая
И косой задремал у пня...
Все такое родное, русское,
Без чего не прожить и дня.

* * *

В пути, раздумьем раненный,
Оглянешься назад,
Там, в дали затуманенной,
И рай, и вместе ад:

И мир под сенью синею,
Где зов любви: живи!
И дым над всей Россиею
Багровый, как в крови.

1988 год

26 февраля

Ездил в редакцию «Кузбасса», отдал 39 ответов на письма молодых авторов.

5 марта

Сейчас принесли «Литературную Россию», в ней рубрика «Журналы в марте печатают». Прочитал, что дает «Наш современник» — и вот неожиданная радость: «Стихи М. Небогатова...»

8 июля

Больше семидесяти лет партия кормит нас «светлым будущим», а мы ей все это время верно служили. И вот дождались этой счастливой жизни, на полках магазинов — шаром покати, исчезло все. В аптеках нет лекарств.

НАСЧЕТ ПЕНСИЙ

— Внучик, ты умом, я знаю, зорок.
Пенсию повысят ветеранам?
У меня, к примеру, только сорок...

— Всем повысят поздно или рано.
 — Хорошо б, конечно, чтоб не поздно,
 Чтоб налюбоваться белым светом.
 Хворости-то наступают грозно,
 Как фашисты в сорок первом летом.
 — Ничего, дедуля, ты ведь дюжий.
 С перестройкой толк у нас немалый.
 — А скажи, милок, не будет хуже?
 — Хуже-то уж некуда, пожалуй...
 — То-то! Сам в сомненье. И не ври вот,
 Что, мол, близко счастье у народа,
 Коли эти планы — на период
 Ажно до двухтысячного года...

25 июля

В этом месяце в Кузбассе необыкновенное событие — десять дней бастовали шахтеры во всех городах области. Из Кузбасса стачка перекинулась в Донбасс.

1989 год

17 января

Плохо себя чувствую, поэтому до сего дня в новом году не делал записей в дневнике.

17 февраля

Вчера весь день работал над обзором «Хемингуэй: два условия». (Всего на это ушло три дня).

26 февраля

(Последняя запись в дневнике)

Написал стихотворный фельетон «Не застойное, не застольное — корвалольное».

Погода почти весенняя, плюсовая, и я воспользовался этим: после завтрака и после обеда гулял.

Публикация М. Небогатовой.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Небогатов. О себе	3
«Как быстротечна времена река...»	5
«Ненисчислимая звездная семья...»	6
«Да, важно смолоду найти...»	7
[Из дневников]	
«Помню первый свой в жизни стишок...»	8
О простоте	10
Совет	13
«Ах, мой друг...»	14
«Отгрохотав, грома ушла...»	16
«Бездонно в небе вольном...»	15
«Бор — зеленая обитель...»	17
«Творцы картин...»	19
«Жил человек...»	21
Мой широкий друг	22
«Есть видимость цветения...»	24
Свет в окне	25
Апрель 1941-го	26
Пахарь	27
«Редкий дом обошла похоронка...»	27
После боя	28
«Едва рванулись мы за лог...»	28
На постое	29
«Он был на фронте...»	30
«В позии готов стоять горой...»	32
«Мы ценим все...»	33
«Спеша по городу родному...»	34
Родство душ	36
«Зорьки первый мазок...»	38
Жизнь ведет...	39
«Когда ты спишь...»	40
Начало зимы	41
Вечер в поселке	41
«Талант, любовь...»	42
«Нет ничего безликого на свете...»	43
«Я видел раз воздушный бой...»	45
На исходе лета	48
Голос в поле	49
Осенние думы	49
«На поле пала тень...»	50

«Есть у меня поэт любимый...»	51
Собратьям по перу	55
О садах	56
«Если выпадает счастье такое...»	57
Тайна	57
Глаза	58
Осенние цветы	58
Русский поклон	59
«Ни мысли нет, ни чувства нет такого...»	61
«Насильно замуж выдали ее...»	62
Светлое будущее	62
С покоса	63
Мамины слова	64
«Приснилось мне...»	66
«Зори весен со мною...»	67
«Хорошо, наверно, быть поэтом...»	68
«Золотой лучистый колос...»	69
«Привыкаем за жизнь ко всему...»	70
Кленовый листок	71
Поет Русланова	72
Доброй ночи	74
Дом в роще	76
«Случайно в мемуарах...»	77
Уроки войны	78
«Звонким полозом кошевки...»	79
Счастливая	80
Встреча	81
Много их	84
На кладбище	86
«Пропахший травами...»	87
«Работой радостной полна...»	88
Луг заливной	89
«Внизу с поля, где роса еще, покой...»	90
Ягоды	91
«О чем-то мне подумалось когда-то...»	92
«С увлеченьем книжку дочитал...»	95
Надо спешить	96
О суеверье	97
«Всему и всем на свете свой черед...»	98
Гости из космоса	98
«Странница натура у меня...»	99
«Представил, что меня уж нет...»	100
«От мороза сторожка ёжится...»	100
«В пути, раздумьем раненный...»	101
Насчет пенсий	101

Литературно-художественное издание

Небогатов Михаил Александрович
«ВРЕМЕНИ РЕКА»

Редактор В. И. Масленников

Художник А. С. Ротовский

Художественный редактор В. П. Кравчук

Технический редактор Г. Н. Манолина

Корректоры С. А. Мазавея, Л. В. Волковская

ИБ № 1696

Сдано в набор 05.04.91. Подписано к печати 09.09.91.
Формат 70x108/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,55. Усл.
кр. отт. 4,9. Уч. изд. л. 4,19. Тираж 1000 экз. Зак.
зак. 1271. Цена 1 р. 40 к.

Кемеровское книжное издательство.

Кемеровский полиграфкомбинат.

Адрес издательства и типографии:

65035, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.